

ВЕСТНИК

ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МИИТ

ИЗДАЕТСЯ С 2013 ГОДА | № 3(27)/2019

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И КРИМИНОЛОГИЯ

ВОПРОСЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

**Электронный научный журнал
«Вестник Юридического института МИИТ»
2019. № 3 (27)**

Дата размещения — 1 октября 2019 г.

Журнал издается с 2013 г.

Научное направление издания: 12.00.00 Юриспруденция.

Адрес редакции: 127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

Телефон: 8 (495) 681-90-19.

Факс: 8 (495) 684-2849.

E-mail редакции: albinadg@mail.ru

Официальный сайт в сети Интернет: <http://vestnik-ui-miit.ru>.

Учредитель и изатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Российский университет транспорта**».

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журналу присвоен международный стандартный номер serialного издания (ISSN) **2542-1573**.

Периодичность: четыре раза в год.

Главный редактор — **КОРЯКИН Виктор Михайлович**, доктор юридических наук (20.02.03), профессор (12.00.03) (e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru).

The online scientific journal «Bulletin of the Law Institute of MIIT» 2019. № 3 (27)

The date of the issue is the 1-st of October, 2019.

The journal has been published since January 2013.

The research area of the publications is 12.00.00 Jurisprudence.

The official address of the editorial board is Obraztsov Str., 9/9,
Moscow, 127994.

Tel.: 8 (495) 681-90-19;

Fax.: 8 (495) 684-2849;

Email: albinadg@mail.ru.

The official site in the Internet is URL: <http://vestnik-ui-miit.ru/>

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «**Russian University of Transport**».

The journal is introduced into the system of the Russian Science Citation Index (RSCI) according to the contractual agreement № 381-06/2016 of June 24, 2016.

The journal is assigned an international standard serial number (ISSN) **2542-1573**.

The journal is issued 4 times a year.

The editor-in-chief is **KORYAKIN Viktor Mikhailovich**, Doctor of Law (20.02.03), professor (12.00.03) (e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru).

Председатель
редакционного совета:
Духно Николай Алексеевич
доктор юридических наук, профессор

Заместитель председателя
редакционного совета:
Корякин Виктор Михайлович
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционного совета:
Борисов Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент
Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор
Лобачев Сергей Львович,
доктор технических наук, профессор
Рудакова Елена Николаевна,
доктор политических наук, профессор
Слышкин Геннадий Геннадьевич,
доктор филологических наук, профессор
Чеботарева Анна Александровна,
доктор юридических наук, доцент
Сидоркин Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор

*Chairman of the
Editorial Council*
Dukhno Nikolay Alekseevich
Doctor of Law, professor

*Deputy chairman of the
Editorial Council*
Koryakin Viktor Mikhailovich
Doctor of Law, professor

Members of the Editorial Council:

Borisov Andrey Viktorovich
Candidate of Law, docent

Zemlin Aleksandr Igorevich
Doctor of Law, professor

Lobachev Sergey Lvovich
Doctor of Technical Sciences, professor

Rudakova Elena Nikolaevna
Doctor of Political Sciences, professor

Slyshkin Gennadiy Gennadievich
Doctor of Philological Sciences

Chebotareva Anna Aleksandrovna
Doctor of Law, docent

Sidorkin Aleksandr Ivanovich
Doctor of Law, professor

© Law Institute of MIIT, 2019

When using materials from the journal, it's necessary to
refer to the «Bulletin of the Law Institute of MIIT»

The official site
of the Law Institute is
www.ui-miit.ru

Содержание

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Максуров А. А.

Юридическая природа норм международного права 9

Шатская И. И.

Научно-техническое сотрудничество в рамках стран БРИКС 16

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Тарасенко Ю. А.

Признание договора заключенным как способ защиты добросовестной стороны при проведении переговоров о заключении договора 27

Кузьмин В. Н.

Финансово-правовые аспекты экологического страхования в условиях цифровизации 36

Мажинская Н. Г.

К вопросу о понятии «односторонний отказ от исполнения обязательства» 48

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Агапов П. В., Меркуьев В. В.

Организованная преступность в современной России: состояние, тенденции и меры прокурорского реагирования 54

Попов К. И., Ребрикова Е. С.

Социально-демографическая характеристика помилованных и амнистированных граждан 62

Петров Э. В.

К вопросу о субъектах предупреждения преступности
в сфере интеллектуальной собственности 69

Бобкова Ю. В.

Реализация прокурором полномочий по уголовному делу,
поступившему с обвинительным заключением
или обвинительным актом 75

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Мамина О. И.

Системные свойства правового института
государственной службы иных видов 82

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Тарасенко Ю. А.

Договор купли-продажи в нормах Псковской судной
грамоты: правовая квалификация 92

Поздравляем! 100

Требования к материалам, представляемым
для опубликования в журнале «Вестник Юридического
института МИИТ» 102

Contents

INTERNATIONAL LAW

Maksurov Aleksey An.

Legal nature of International law 9

Shatskaya Irina Iv.

Scientific and technical cooperation within the BRICS countries 16

CIVIL LAW

Tarasenko Yuriy Al.

Recognition of an agreement by a prisoner as a way
to protect a bona fide party when negotiating a contract 27

Kuzmin Valeriy N.

Financial and legal aspects of environmental insurance
in the context of digitalization 36

Mazhinskaya Natalya G.

To the issue of the concept “unilateral refusal to fulfill
an obligation” 48

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Agapov Pavel V., Merkuriev Viktor V.

Organized crime in modern Russia: state, trends
and measures of prosecutorial response 54

Popov Konstantin Iv., Rebrikova Ekaterina S.

Socio-demographic characteristics of pardoned
and amnestied citizens 62

Petrov Eduard V.

On the issue of crime prevention in the field of intellectual
property 69

Bobkova Yuliya V.

Implementation of prosecutor's powers in a criminal case received with an indictment.....	75
---	----

ISSUES OF GOVERNMENT SERVICE

Mamina Oksana Iv.

Systemic properties of the legal institution of government service of other types.....	82
--	----

HISTORICAL OVERVIEW

Tarasenko Yuriy Al.

Purchase and sale contract in the norms of the Pskov Judicial Charter: legal qualification	92
--	----

Congratulations!	100
------------------------	-----

Requirements

for the materials submitted for publication in the journal «Bulletin of the Law Institute MIIT»	102
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.9

© Максуров Алексей Анатольевич

— кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФБГОУ «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

Юридическая природа норм международного права

Аннотация. Общепризнанные принципы и нормы международного права в том или ином виде встречаются в Конституциях Италии, Греции, Франции, Германии, Австрии, Болгарии и многих других стран. В то же время нельзя не отметить, что не всегда в них использована абсолютно идентичная российской формулировка «общепризнанные принципы и нормы международного права», речь идет об «общепризнанных принципах международного права», «общепризнанных нормах международного права», «общих нормах международного права» и т.п. В связи с этим возникает вопрос не только об определении дефиниции «общепризнанные принципы и нормы международного права» и понятия общепризнанности, но и о том, тождественны ли общепризнанные принципы международного права общепризнанным нормам или это разнорядковые явления. В статье рассматриваются проблемы определения юридической природы и применения общепризнанных принципов и норм международного права

Ключевые слова: принципы права; нормы права; международное сообщество; принцип территориальной целостности; принцип гуманизма.

© Aleksey An. Maksurov

— Candidate of Law, associate professor of the department of the theory and history of state and law of the FBSEI “P.G. Demidov Yaroslavl State University”

Legal nature of International law

Abstract. The generally recognized principles and norms of international law in one form or another can be found in the Constitutions of Italy, Greece, France, Germany, Austria, Bulgaria and many other countries. At the same time, it should be noted that they do not always use the absolutely identical Russian wording “generally recognized principles and norms of international law”, we are talking about “generally recognized principles of international

law”, “generally recognized norms of international law”, “general norms of international law” etc. In this regard, it's necessary not only to define the wording of “generally recognized principles and norms of international law” and the concept of universality, but also of whether the generally recognized principles of international law are identical to the generally recognized norms or whether these phenomena are different. The paper considers the problems of determining the legal nature and application of generally recognized principles and norms of international law.

Keywords: principles of law; norms of law; international community; principle of territorial integrity; principle of humanism.

По нашему твердому убеждению, принципы международного права и нормы международного права — разнорядковые вещи, хотя очень жесткой границы между ними нет, скорее, имеют место логические отношения «общего» и «частного».

В то же время, нельзя не отметить, что существуют и позиции авторов, которые смешивают данные правовые явления. Так, Р. М. Валеев указывает, что «принципы международного права представляют собой основополагающие общепризнанные нормы международного права, обладающие высшей юридической силой в данной системе права» [1, стр. 67].

С такой позицией трудно согласиться по ряду причин. Во-первых, назначение норм и принципов, как известно, различное. Отсюда следуют и различия в их функциональных характеристиках. Во-вторых, в теории права подчеркиваются структурные различия норм и принципов. В-третьих, по сути, имеет место логическая ошибка, когда неизвестное определяют через неизвестное. Наконец, в-четвертых, является ли «обладание высшей юридической силой в данной системе права» имманентным признаком самого принципа международного права? Вряд ли. Речь, скорее, идет о придании ему такой силы в соответствии с конституционным законодательством конкретной национальной правовой системы.

Выше мы писали об отсутствии в современной юридической науке единства подходов к пониманию общепризнанных принципов международного права. Однако вопрос о сути общепризнанных норм является сравнительно мало проработанным в отечественной юриспруденции, причем не только в науке конституционного права, но и, что более удивительно, в науке международного публичного права.

Это не только наше субъективное мнение. Например, известный учений, юрист-международник А. Н. Талалаев подтверждает, что в юриспруденции нет единства мнений по поводу сущности юридической конструкции «общепризнанные нормы международного права» [2, стр. 64], причем и сам этот вопрос современными теоретиками и «международниками» права рассматривается крайне редко.

Отметим, что общепризнанные нормы международного права должны отвечать всем признакам международных норм права, что логически очевидно. Между тем, полагаем, что не во всех видах международных норм права можно выделить общепризнанные нормы.

В теории международного права сложилось мнение, что международное публичное право содержит несколько видов правовых норм, а именно: нормы обычные, нормы договорные, нормы различных деклараций и резолюций международных организаций и т.п.

И. И. Лукашук называет основной формой существования общепризнанных принципов и норм международного права международный правовой обычай, однако не каждый, а лишь тот, что прямо закреплен в международных актах, резолюциях международных организаций и многосторонних международных договорах [3, стр. 52], что представляется нам недопустимым упрощением довольно сложного теоретического вопроса.

Прежде всего, обратимся к обычным нормам международного права.

Ученые-юристы полагают, что обычная норма международного права, как правило, понимается как итог многократно повторяющейся практики межгосударственного общения. Она создается именно таким образом и становится международно-правовой нормой для тех стран, которые признают ее в качестве таковой [4, стр. 192].

Соответственно, в виде первоосновы для появления такой нормы в качестве ее источника следует рассматривать международные правовые обычай и правовые обыкновения.

По нашему мнению, здесь сложность для нас представляет сама очевидная специфика международного правового обычая. В частности, Г. В. Игнатенко пишет о том, что международный правовой обычай «не представляет собой, в отличие от договора, официального документа с явно выраженным формулами правил» [5, стр. 109]. Но и это не самое «страшное»; такая специфика характерна для любого правового обычая (обыкновения), не только публичного и международного.

Куда важнее то обстоятельство, что по общему правилу обычная норма является нормой только для признающих ее государств. Отсюда совершенно понятно, что далеко не каждая обычная международная норма является общепризнанной нормой международного права.

Конечно, сама международная юридическая практика в этом смысле весьма и весьма позитивна: легко можно привести многочисленные примеры, когда обычные нормы международного права приобретают статус общепризнанных. Так, по мнению Л. Ю. Рыхтиковой, самым ярким таким примером «является Всеобщая декларация прав человека 1948 года, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, положения которой в результате их применения государствами стали обычными нормами международного права» [4, стр. 194].

Здесь следует отметить и то существенное обстоятельство, что большинство специалистов в области отечественного государственного и конституционного права императивно считает, что ни резолюции международных организаций, ни документы политического характера, ни какие-либо решения международных судебных инстанций в силу положений российского конституционного права не являются частью российской правовой системы [6, стр. 209].

В то же время в резолюциях международных организаций могут быть сформулированы нормы, которые в силу их использования различными субъектами международного права становятся обычными, а при массовом и постоянном применении и общепризнанными.

При этом анализ авторских позиций позволяет нам прийти к выводу о том, что среди конституционалистов и специалистов-международников основной является точка зрения, что общепризнанными международными нормами могут быть преимущественно (или только почти) лишь так называемые обычные нормы международного права.

Интересно, что существуют и более «радикальные» авторские взгляды на предмет. Например, Дж. Гинзбург фактически ставит знак равенства между общепризнанными и обычными нормами международного права [7, стр. 111], что, на наш взгляд, нельзя признать верным. Нет никакого юридического, логического, теоретического, профессионального или любого иного запрета на то, чтобы «черпать» общепризнанные нормы международного права из других источников.

В частности, по нашему мнению, договорные нормы международного права также могут быть общепризнанными и необщепризнанными.

Вот здесь уже представляется очевидным, что для придания нормам, содержащимся в международном договоре, статуса общепризнанных норм международного права необходимо участие в такого рода договоре как можно большего количества государств.

В связи с этим нам более импонирует позиция Б. Л. Зимненко, понимающего под общепризнанными принципами и нормами международного права «общеобязательные правила поведения, признаваемые большинством государств, основным (но не единственным!) источником которых является международный обычай» [8, стр. 59]. Конечно же, понятие «большинства государств» является очень и очень условным.

Из открытых источников известно, что по состоянию на март 2019 г. членами ООН являются 193 государства. Однако, по нашему глубокому убеждению, следует учитывать не только количество стран, но и их «вес» в мировой экономике и политике, численность их населения и размер территории. Согласитесь, что участие в международном договоре, например, США и Албании — это две большие разницы при всем нашем уважении к албанскому народу и государству.

Мы не видим ничего зазорного в такого рода подходе: это лишь констатация очевидного. В то же время большинство авторов как-то «стесняются» признать подобную позицию верной, хотя и не приводят особо весомых документов в обосновании позиции противоположной [9, стр. 320].

Скорее всего, такого рода «методологическая сложность» и является причиной того, что среди документов, содержащих общепризнанные нормы международного права, обычно называют лишь некоторые многосторонние договоры, пакты, конвенции, например, такие как Устав ООН 1945 г., Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г., Венскую конвенцию о дипломатических сношениях 1961 г., Международные пакты по правам человека 1969 г. и другие [10, стр. 28]. Однако и здесь для нас очевидно, что далеко не каждая норма даже такого «авторитетного» международного договора является именно общепризнанной нормой международного права.

Кстати, иногда даже сами представители международных организаций довольно осторожно называют те или иные нормы международного права общепризнанными и делают это лишь со ссылкой на конкретный нормативный документ или договор. Например, на Венской конференции 1986 г. представитель ООН заявил, что Устав ООН обладает общепризнанным преобладающим характером, что отражено в ст. 103 Устава, применяемой не только к государствам-членам, но и к международным организациям [11, р. 115—118], но так ли это на самом деле во всех схожих случаях?

Характерно, что в широко известном по всеобъемлющей трактовке положений Конституции РФ постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» говорится: «судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах) ... являются составной частью ее правовой системы». Столь ясно выраженную позицию высшей судебной власти нашей страны мы не можем не учитывать.

Исходя из указанного, общепризнанными нормами международного права могут быть либо обычные, либо договорные нормы.

Нормы, содержащиеся в актах международных организаций, «напрямую» стать общепризнанными нормами международного права не могут.

В то же время «дорога» в общепризнанные нормы международного права для них не закрыта: принципиально они также могут получить статус общепризнанных норм, но только в том единственном возможном слу-

чае, когда в результате многократного повторения они станут обычными нормами международного права.

Поэтому мы полагаем, что каких-либо общепризнанных норм международного права в собственном смысле (т.е. не являющихся одновременно обычными либо договорными) в международном праве не существует.

Наше мнение основано не только на приведенном выше анализе авторских позиций и мнении высшей российской судебной инстанции. Можно, например, привести в качестве обоснования нашей точки зрения известное решение Международного суда по делу *Military and para-military activities in and against Nicaragua* [12, p. 92—108]. В процессе принятия решения Суд установил: в силу оговорки, сделанной США, он не мог применять для разбирательства договоры, в которых содержались нормы, в нарушении которых обвинялись Соединенные Штаты. Поэтому Международный суд решил определить, не содержатся ли в международном праве обычно-правовые нормы с тем же содержанием, которое имели «порочные» с точки зрения логики судебного разбирательства договорные нормы. При этом никакой третьей категории норм международного права Суд не упоминал. Из указанного можно сделать однозначный вывод: согласно позиции Международного суда все нормы международного права подразделяются на обычные нормы и договорные нормы.

Литература

1. Международное право : учебник для бакалавров / ответственные редакторы Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. — Москва : Статут, 2017.
2. Талалаев, А. Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. — 1998. — № 3.
3. Лукашук, И. И. Нормы международного права в правовой системе России. — Москва, 1997.
4. Рыхтикова, Л. Ю. Конституционно-правовые основы имплементации норм международного права в Российской Федерации. — Москва, 2014.
5. Международное частное право : учебник / ответственный редактор Г. К. Дмитриева. Москва : ТК «Велби»; Проспект, 2003.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общей редакцией В. Д. Карповича. — Москва, 2016.
7. Гинзбург, Дж. Соотношение международного и внутреннего права в СССР и в России // Государство и право. — 1994. — № 3.
8. Зименко, Б. Л. Соотношение общепризнанных принципов и норм международного права и российского права // Международное право. — 2000. — № 8.
9. Максуров, А. А. Координационные юридические технологии в странах Европы. — Москва, 2018.
10. Международное право / ответственные редакторы Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. — Москва, 2015.
11. U. N. Conference. — 1986. — Vol. I.
12. Military and para-military activities in and against Nicaragua. International Court of Justice Reports. — 1986.

Literature

1. Mezhdunarodnoye pravo : uchebnik dlya bakalavrov [International law: a textbook for undergraduate]/ otvetstvennyye redaktory R. M. Valeyev, G. I. Kurdyukov. — Moskva : Statut, 2017.
2. Talalayev, A. N. Dva voprosa mezhdunarodnogo prava v svyazi s Konstitutsiyey RF [Two issues of international law in connection with the Constitution of the Russian Federation]// Gosudarstvo i pravo. — 1998. — № 3.
3. Lukashuk, I. I. Normy mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme Rossii [Norms of international law in the legal system of Russia]. — Moskva, 1997.
4. Rykhtikova, L. YU. Konstitutsionno-pravovyye osnovy implementatsii norm mezhdunarodnogo prava v Rossiyskoy Federatsii [Constitutional and legal foundations for the implementation of international law in the Russian Federation]. — Moskva, 2014.
5. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo : uchebnik [Private international law]/ otvetstvennyy redaktor G. K. Dmitriyeva. Moskva : TK «Velbi»; Prospekt, 2003.
6. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]/ pod obshchey redaktsiyey V. D. Karpovicha. — Moskva, 2016.
7. Ginzburg, Dzh. Sootnosheniye mezhdunarodnogo i vnutrennego prava v SSSR i v Rossii [The ratio of international and domestic law in the USSR and in Russia]// Gosudarstvo i pravo. — 1994. — № 3.
8. Zimnenko, B. L. Sootnosheniye obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava i rossiyskogo prava [Correlation of generally recognized principles and norms of international law and Russian law] // Mezhdunarodnoye pravo. — 2000. — № 8.
9. Maksurov, A. A. Koordinatsionnye yuridicheskiye tekhnologii v stranakh Yevropy [Coordination legal technologies in European countries]. — Moskva, 2018.
10. Mezhdunarodnoye pravo [International law]/ otvetstvennyye redaktory YU. M. Kossov, V. I. Kuznetsov. — Moskva, 2015.
11. U. N. Conference. — 1986. — Vol. I.
12. Military and para-military activities in and against Nicaragua. International Court of Justice Reports. — 1986.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 339.9

© Шатская Ирина Ивановна

— кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
«Административное право, экологическое право,
информационное право» Юридического института
Российского университета транспорта
irina_shatskaya@mail.ru

Научно-техническое сотрудничество в рамках стран БРИКС

Аннотация. Научно-техническое сотрудничество стран БРИКС успешно развивается с момента образования группировки и по настоящее время. Многие совместные научно-исследовательские и образовательные проекты стран БРИКС за период существования объединения получили высокую оценку, подтвердив свою действенность результативностью и эффективностью внедрения проектов и программ в различные сферы, среди которых: реализация Седьмой рамочной программы Европейского Союза по науке и технологическому развитию; внедрение проектов программы виртуальных лабораторий Бразильской сельскохозяйственной исследовательской корпорации; выполнение программ по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020» и Программы по разработке спутников дистанционного зондирования (Бразилия, Китай); реализация образовательных программ на платформе Университета Шанхайской организации сотрудничества; создание и дальнейшее функционирование совместного российско-китайского Университета МГУ—ППИ в Китае, Сетевого университета БРИКС и российско-индийского научно-технологического центра.

Для дальнейшего укрепления позиций и достижения наивысших результатов в области научно-технического сотрудничества страны БРИКС создают собственные инновации, которые способствуют уменьшению зависимости от иностранных технологий и активно внедряют инновационные разработки в различные отрасли экономики: энергетика; ядерные технологии; возобновляемые источники энергии; металлургия; химическая промышленность; нефтехимическая промышленность; технологии обрабатывающей промышленности; машиностроение; авиационные и транспортные технологии; космические технологии; нанотехнологии; информационные технологии; водные ресурсы; защита окружающей среды; освоение океана; изменение климата; биотехнологии; фундаментальная наука и научные основы прорывных технологий; астрономия; науки о жизни; фар-

макология и медицина; сельское хозяйство; пищевая промышленность; оборона и безопасность. Кроме того все члены объединения БРИКС участвуют в развитии инновационной сферы, разрабатывая программные документы по стимулированию инновационного развития этих стран.

Ключевые слова: БРИКС; научно-техническое сотрудничество; проекты; наука; инновации.

© Irina Iv. Shatskaya

— Candidate of Economic Sciences, docent, associate professor
of the department of administrative law, environmental law,
information law of the Law Institute of the Russian University of Transport
irina_shatskaya@mail.ru

Scientific and technical cooperation within the BRICS countries

Abstract. The scientific and technical cooperation of the BRICS countries has been successfully developing since the formation of the group. Many joint research and educational projects of the BRICS countries have been highly appreciated over the period of the association's existence and confirmed their effectiveness by the efficiency of implementing projects and programs in various fields, including the Seventh Framework Program of the European Union for Science and Technological Development; projects of the virtual laboratory program of the Brazilian Agricultural Research Corporation; the "Horizon 2020" research and innovation programs and the Remote Sensing Satellite Development Program (Brazil, China); educational programs on the platform of the University of Shanghai Cooperation Organization; creation and further functioning of the joint Russian-Chinese University of Moscow State University — PPI in China, the BRICS Network University and the Russian-Indian scientific and technological center. To strengthen their positions and achieve the best results in the field of scientific and technical cooperation, the BRICS countries create their own innovations that help reduce dependence on foreign technologies and actively introduce innovative developments in various sectors of the economy: energy; nuclear technology; renewable energy sources; metallurgy; chemical industry; petrochemical industry; manufacturing technology; engineering; aviation and transport technologies; space technology; nanotechnology; IT; water resources; environmental protection; ocean development; climate changing; biotechnology; fundamental science and scientific foundations of breakthrough technologies; astronomy; life sciences; pharmacology and medicine; agriculture; food industry; defense and security. In addition, all members of the BRICS association participate in the development of the innovation sphere, de-

veloping program documents to stimulate the innovative development of these countries.

Keywords: BRICS; scientific and technical cooperation; projects; science; innovation.

Стратегически движущей силой устойчивого экономического развития стран БРИКС на данном этапе выступают наука, образование, технологии, научные исследования. Страны БРИКС с учетом этого фактора сосредоточили свои усилия на наращивании потенциалов в перечисленных сферах с помощью действенных инструментов: увеличение инвестиций; наращивание исследовательских мощностей в атомной энергетике, электронике, телекоммуникациях, биотехнологиях; развитии институциональной инфраструктуры; реализации совместных научно-исследовательских и образовательных проектов.

Многие совместные научно-исследовательские и образовательные проекты стран БРИКС за период существования объединения получили высокую оценку и доказали свою эффективность. В период с 2007 по 2013 гг. Россия, Китай, Бразилия, Индия, ЮАР активно сотрудничали с Европейским Союзом при реализации Седьмой рамочной программы Европейского Союза по науке и технологическому развитию. За этот период Россия реализовала 281 проект с общим финансированием в 54 млн евро, Индия — 164 проекта с общим финансированием в 34,6 млн евро, Китай — 237 проектов с общим финансированием в 30,1 млн евро, ЮАР — 158 проектов с общим финансированием в 27,5 млн евро, Бразилия — 166 проектов с общим финансированием в 26,5 млн евро. Проекты программы виртуальных лабораторий Бразильской сельскохозяйственной исследовательской корпорации (*Labex*, основанной в Китайской академии сельскохозяйственных наук) осуществляются в Европе, США, Китае, Южной Корее.

На смену Седьмой рамочной программе Европейского Союза по науке и технологическому развитию в 2014 г. разработана программа по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020» с бюджетом 80 млрд евро, в которой по-прежнему принимают активное участие все члены группировки БРИКС и приоритетными направлениями которой стали: низкоуглеродная энергетика, циркулярная и цифровая экономика, исследования в области безопасности и миграции. «Полученные результаты будут учтены на последнем этапе программы в 2019—2020 годах, но промежуточные результаты показывают, что основные принципы, цели и задачи Программы, установленные при ее запуске, по-прежнему имеют большое значение также в свете новых политических приоритетов» [https://www.ranepa.ru/images/media/brics/rusresidency2/work_plan_rus.pdf (дата обращения: 12 августа 2019 г.)].

Бразилия и Китай сотрудничают в области космической техники. Подписанное в 1988 г. соглашение о партнерстве Национального института

космических исследований Бразилии и Китайской академии космической техники по разработке спутников дистанционного зондирования успешно продолжается в настоящее время.

С 2008 г. и по настоящее время работает Университет Шанхайской организации сотрудничества — сетевой университет, объединяющий образовательный потенциал нескольких университетов из Казахстана, Китая, Киргизии, России и Таджикистана, Монголии, Индии, Ирана, Пакистана. Вузы — участники Университета ШОС реализуют образовательные программы по направлениям: информационные технологии, нанотехнологии, энергетика, педагогика, регионоведение, экология, экономика.

С 2014 г. реализуется проект создания и дальнейшего функционирования совместного российско-китайского Университета МГУ—ППИ в Китае. Основной задачей проекта является подготовка молодых специалистов, которые принимают участие в развитии экономики Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского регионов, в рамках проекта лидеров России и Китая, ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути».

18 ноября 2015 г. в Москве в рамках председательства России в БРИКС министры образования Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР подписали Меморандум о создании Сетевого университета БРИКС. В 2017 г. Сетевой университет начал работу на основании образовательных программ, в состав которых входят: геология; экология; природные ресурсы; энергетика; информационные технологии; прикладная математика; физика; химия, транспортные системы и логистика; здравоохранение (медицина) и другие.

Созданное по инициативе правительства России и Индии 10 июня 2010 г. некоммерческое партнерство «Российско-Индийский научно-технологический центр» стало организацией, которая смогла эффективно содействовать университетам и компаниям России и Индии в сфере информационного обеспечения о научно-технологических возможностях стран, в курировании совместных научкоемких проектов и внедрении научно-технологических разработок в сфере реальной экономики. Одним из новых направлений деятельности Российско-Индийского научно-технологического центра стала работа с регионами, результаты которых нашли отражение в двух важных сферах: образовательном сотрудничестве и взаимодействии на уровне молодежных организаций Индии и России в области инноваций. Так в 2013 г. Россия была включена в деятельность сети развития «низовых инноваций», которая охватывает Индию, Китай, некоторые страны Африки и Южной Америки. Низовые инновации являются основой для развития экономики и обеспечивают решение глубоких социально-экономических проблем, с помощью включения беднейших слоев населения в экономическое развитие страны, когда недорогие продукты (феномен «обратных инноваций») в западных странах представляют собой своеобразное дополнение к высокотехнологичным дорогим про-

дуктам. Подтверждением успешности простых инноваций является увеличение их оборота: оборот ежегодно растет на 7%, а в Китае и Индии на 10%.

Успешный опыт работы Российско-Индийского научно-технологического центра помогает выявить эффективные механизмы сотрудничества с тем, чтобы масштабировать их на сотрудничество с другими странами — участниками БРИКС.

Научно-образовательное сотрудничество стран БРИКС имеет большие перспективы в будущем, что подтверждается целями и задачами, которые страны БРИКС для себя определили: обмен информацией о научно-технической политике и долгосрочных программах сотрудничества; о поощрении исследований, кадровое, организационно-правовое, финансовое обеспечение научно-технического и инновационного сотрудничества (создание высокотехнологичных зон и инкубаторов, формирование общих «технологических платформ»); совместное инвестирование исследовательских и инновационных центров; реализация совместных исследовательских программ.

В период с 2010 по 2020 год (десятилетие инноваций) в Индии создана наиболее развитая инновационная инфраструктура среди стран БРИКС, введена в действие индийская модель инновационного развития, создано множество инкубаторов, технопарков, кластеров. Кроме того конструктивно задействован Институт науки в Бангалоре для продвижения научных и технологических инноваций и внедрения их в производство. Координирование индийских научно-технических разработок осуществляется: Национальным инновационным советом, Обществом для инноваций и развития, Советом научных и промышленных исследований.

Китай в вопросе инноваций и исследований опережает все страны БРИКС. Согласно программе по инновационному развитию страны до 2020 г. правительство Китая намерено создать инновационно ориентированное общество. Основу исследовательской инфраструктуры Китая формируют научные технопарки, бизнес-инкубаторы и хакспейсы. В Китае работают программы финансирования и стимулирования ученых, стартапов, которые занимаются экспериментами и научными разработками. На этом фоне наука инноваций продуктивно развивается в Китае. При этом само государство заинтересовано в росте этого сектора: около 90% от общего числа инновационных фондов принадлежит государству.

В России государственная политика в области инновационного развития основывается на Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года и на Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2025 года. Кроме того в России в развитии инновационной сферы, национальной инновационной системы играет важную роль Минобрнауки России, которое координирует выполнение Государственной программы Российской Федерации «Научно-

техническое развитие Российской Федерации» (утверждена постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377). В рамках программы проводятся фундаментальные и прикладные научные исследования в сфере перспективных технологий, определяются основные направления развития межотраслевой инфраструктуры, институционального развития научно-исследовательского сектора, международного научно-технического сотрудничества.

Основными инструментами и механизмами инновационной деятельности в России стали особые экономические зоны и территории опережающего социально-экономического развития, инновационные территориальные кластеры, технопарки и инновационно-технологические центры.

Научно-техническое сотрудничество стран БРИКС успешно развивается и наиболее перспективными направлениями сотрудничества группировки остаются: энергетика, ядерные технологии, возобновляемые источники энергии, metallургия, химическая промышленность, нефтехимическая промышленность, технологии обрабатывающей промышленности, машиностроение, авиационные и транспортные технологии, космические технологии, нанотехнологии, информационные технологии, водные ресурсы, защита окружающей среды, освоение океана, изменение климата, биотехнологии, фундаментальная наука и научные основы прорывных технологий, астрономия, науки о жизни, фармакология и медицина, сельское хозяйство, пищевая промышленность, оборона и безопасность. Страны — члены БРИКС стремятся модифицировать экономику путем создания собственных инноваций и уменьшения зависимости от иностранных технологий. Они участвуют в развитии инновационной сферы и разработали программные документы по стимулированию инновационного развития.

Перспективными для стран БРИКС стали совместные проекты в области разработки новых технологий; в области космических технологий (совместный мониторинг орбиты, сопровождение научных аппаратов в дальнем космосе, расширение покрытия и точности системы ГЛОНАСС), в реализации которого участвовали Россия, ЮАР, Бразилия, Индия; в области атомной энергетики (развитие научного сотрудничества, создание научного и экспертного сообщества) — состав стран Россия, Китай, Индия; в области интернет-технологий (реализация проекта прокладки трансконтинентального подводного интернет-кабеля, соединяющего все страны БРИКС). В области высоких технологий в логистике (разработка общего стандарта радиочастотной идентификации), в котором, как в интернет-технологиях, приняли участие все страны БРИКС.

Кроме того страны БРИКС активно участвовали в реализации определенных Стратегией экономического партнерства основных направлений сотрудничества в области науки, технологий и инноваций для каждой страны — участницы БРИКС. «Так, для Бразилии это — предупреждение и ликвидация природных катастроф; для России — водные ресурсы и борь-

ба с загрязнением; для Индии — геопространственные технологии и их применение в целях развития; для Китая — новая и возобновляемая энергетика, энергетическая эффективность; для ЮАР — астрономия». Также были определены новые инициативы на перспективу: создание Форума молодых ученых стран БРИКС; сотрудничество в области биотехнологии и биомедицины, включая охрану здоровья человека и нейронауки; сотрудничество в области информационных технологий и высокопроизводительных вычислительных систем; сотрудничество в области материаловедения и нанотехнологий; сотрудничество в области фотоники» [<https://www.spbstu.ru/upload/inter/horizon2020-2.pdf> (дата обращения: 12 августа 2019 г.)].

Если рассматривать страны БРИКС в разрезе конкурентоспособности стран мира, где за основу определения конкурентоспособности стран БРИКС используется рейтинг их глобальной конкурентоспособности и в частности то, что рейтинг учитывает выборочно показатели научно-технического развития этих стран: качество институтов, высшее образование и профессиональную подготовку; технологический уровень развития; инновационный потенциал, а также и другие показатели рейтинга: состояние инфраструктуры, макроэкономическую стабильность, здоровье и начальное образование; эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний, которые неразрывно связаны между собой, то напрашивается вывод, что по рейтингу конкурентоспособности можно оценить уровень развития страны в направлении научно-технического развития страны. Лидирующее положение среди стран БРИКС занимает Китай, в 2016—2017 годах заняв 28-е место в мире, Индия — 39-е место, Россия — 43-е место, ЮАР — 47-е место, Бразилия — 81-е место.

Следующий показатель, отражающий уровень развития стран БРИКС в сфере научно-технического развития — глобальный индекс инноваций (глобальное исследование, которое сопровождает рейтинг стран мира по показателю уровня развития инноваций, рассчитывается ежегодно с 2007 г. Международной школой бизнеса *INSEAD*, Франция), составленный из 82 различных переменных, которые детально характеризуют инновационное развитие стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития, представляет собой соотношение затрат и эффекта, что позволяет объективно оценить эффективность усилий по развитию инноваций в той или иной стране [<https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info> (дата обращения: 12 августа 2019 г.)].

Глобальный инновационный индекс стран БРИКС в 2017 г. охватывает 127 стран и включает число заявок на права интеллектуальной собственности, создание мобильных приложений, объем расходов на образование, количество научно-технических публикаций. Наилучший показатель у Ки-

тая, который занимает 22-е место в рейтинге, Россия на 45-м месте, ЮАР на 56-м месте, Индия на 60-м месте, Бразилия занимает 69-е место в рейтинге.

Если сравнить рейтинг по тому же показателю в 2015 г., то можно проследить тенденцию улучшения у Китая на 7 позиций, у России на 4 позиции, у Индии на 16 позиций, но при этом незначительное ухудшение — Бразилия на 1 позицию, ЮАР на 3 позиции. Особого прогресса за 10 лет добился Китай. В 2008 г. страна занимала только 37-е место, в 2018 г. — 17-е место [<https://vc.ru/flood/44152-global-innovation-index-mesto-rossii-v-mire-innovaciy> (дата обращения: 12 августа 2019 г.)].

В том же рейтинге группа стран со средним и низким уровнем дохода (Китай, Индия, Россия, Бразилия) демонстрирует неожиданно высокие для своего уровня развития показатели в области инновационной деятельности. Большинство стран со средним доходом добились более высоких позиций в рейтинге качества инноваций благодаря улучшению работы университетов. Эксперты отметили высокое качество научных публикаций в России, а также высокие показатели трех крупнейших университетов: Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета и Новосибирского государственного университета, что позволило России занять 27-е место (качество локальных университетов, индекс Хирша для цитируемых документов, вывод на международные рынки местных изобретений).

Важным фактором инновационного развития для стран БРИКС является государственная поддержка развития научных исследований и новых технологий. Основными формами государственного финансирования в этих странах являются: предоставление средств государственного бюджета, в том числе выдача грантов; целевое кредитование; государственные гарантии. Во всех странах БРИКС без исключения этому фактору уделяется большое внимание.

Для того чтобы стать лидерами мирового развития, страны БРИКС активно внедряют инновационные разработки в различные отрасли экономики. Предприятия, занимающиеся инновациями, создают новые виды продукции или внедряют новые современные технологии. Успешное создание и внедрение инновационных разработок возможно при наличии высококвалифицированных кадров и достаточном финансировании научно-исследовательских работ.

Факторами, влияющими на развитие национальной системы инноваций, являются: национальные расходы на НИОКР и темпы роста этих расходов; число полученных патентов и научных публикаций; индексы цитирования; численность ученых и технических работников. Результативность научных исследований может быть охарактеризована с помощью количества опубликованных научных статей и полученных патентов на изобретения.

Объем научных публикаций ученых из стран БРИКС приближается к показателям публикаций ученых из западных стран и США (показатели отдельных стран по базе данных научного цитирования *Scopus* за 2010—2017 гг.). В 2017 г. общее количество публикаций государств БРИКС составляло 29% мирового объема публикаций в *Scopus*, из них на долю Китая приходилось 18%, Индию около 5%, Россию и Бразилию по 2,6%, ЮАР 0,72%. Однако во многом страны БРИКС достигли этого за счет высоких темпов роста публикационной активности в Китае, которая по-прежнему имеет тенденцию роста и вторую строчку рейтинга в мировом масштабе. В 2018 г. Россия по базе данных научного цитирования *Scopus* находится на 11-м месте. По публикациям в *Web of Science* Индия занимает 5-е место, Бразилия — 12-е место, Россия — 14-е место.

Также ученые отметили, что анализ позиций БРИКС в глобальном рейтинге публикационной активности стран по 27 предметным областям *Scopus* показывает, что Китай занимает первое место во многих направлениях (химия, компьютерные науки, энергетика, технические науки, математика), в то время как другие страны БРИКС занимают высокие позиции только по некоторым из них. Россия лидирует в других отраслях (физика и астрономия, экономика, эконометрика, финансы, науки о Земле и других планетах, математика, материаловедение).

По данным *Web of Science* в мире ежегодно выходит более полумиллиона научных публикаций по техническим наукам. В технических науках первое место в мире принадлежит Китаю, на его долю приходится 26,9% общемирового числа публикаций, изданных в 2015—2017 гг. У Индии пятая позиция с объемом 6,6%. Российские исследователи за период за тот же период опубликовали около 55 тыс. работ в изданиях по техническим наукам, включенных в *Web of Science*, обеспечив стране 12 место в рейтинге. В рейтинге стран по совокупной публикационной активности в естественно-научных областях исследований Россия занимает 10-е место. Всего в рассматриваемых областях в 2015—2017 гг. при участии ученых из России создано 3,7% публикаций в международных научных журналах. Лидирует в рейтинге Китай.

При этом страны БРИКС активно сотрудничают с другими государствами, но не между собой. Ключевыми партнерами БРИКС в области научного производства выступают США, Великобритания и Германия. Между собой страны объединения сотрудничают гораздо меньше, но в последние годы эта ситуация начинает изменяться. Исключение здесь составляет Китай: удельный вес его публикаций в партнерстве с другими государствами БРИКС в 2010—2017 годах около 4%. В России этот показатель вырос до 12% в 2017 г.

Кроме того, проследить публикационную активность среди стран БРИКС можно и на основе рейтинга лучших вузов стран БРИКС, который основан на восьми показателях: академическая репутация вуза, его репу-

тация среди работодателей; соотношение профессорско-преподавательского состава вуза и студентов; количество публикаций по каждому факультету, цитируемость публикаций; число иностранных преподавателей, сотрудников с ученой степенью, иностранных студентов. Рейтинг среди стран БРИКС возглавили китайский Университет Цинхуа, Пекинский университет, Фуданьский университет, Научно-технический университет Китая, Чжэцзянский научно-технический университет, Шанхайский университет транспорта, Индийский технологический институт Бомбея, Нанкинский университет, Индийский научный институт в Бангалоре.

На основании рейтинга 101 российский университет вошел в рейтинг лучших вузов стран БРИКС (распространенный британской компанией *Quacquarelli Symonds*). По итогам рейтинга российские университеты выглядят лучше учебных заведений Индии, Китая, Бразилии и ЮАР по таким параметрам, как возможность предоставлять обучение в небольших коллективах и репутация среди работодателей, однако испытывают сложности в сфере исследовательской работы.

Следующим показателем, характеризующим результативность научных исследований, — полученные патенты на изобретения. Патентная статистика является основным показателем инновационного потенциала и одним из ключевых показателей технологического развития стран и регионов, которая отражается рейтингом стран мира по количеству оформленных патентов (сравнительный анализ статистических данных о патентной активности стран и территорий мира, который выпускается Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС)).

В 2017 г. (рейтинг составлен на основе данных 62 стран) Китай (475 977 заявок) занял 1-е место, Россия (11 112 заявок) — 5-е место, Бразилия (2 936 заявок) — 10-е место.

В 2018 г. (рейтинг составлен на основе данных 176 стран) Китай (381 594) — 1-е место, Индия (46 582 заявок) — 7-е место, Россия (36 883 заявок) — 8-е место, Бразилия (25 658 заявок) — 11-е место, ЮАР (7 544 заявок) — 22-е место [<https://nonews.co/directory/lists/countries/number-patents> (дата обращения: 12 августа 2019 г.)]. Патенты выданы в таких областях, как металургическая промышленность, машиностроение, строительство, легкая промышленность, фармацевтика, энергетика, компьютерная техника, биотехнологии и другие.

Одним из ключевых показателей, указывающих на современное развитие стран в области высоких технологий, научных исследований и разработок являются расходы стран БРИКС на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) — это совокупность деятельности, направленных на получение новых знаний и их практическое применение для решения конкретных задач. НИОКР включает в себя три основ-

ные группы деятельности: фундаментальные исследования; прикладные исследования; опытно-конструкторские и технологические разработки.

В настоящий период наблюдается общая тенденция стран БРИКС к увеличению вложений в НИОКР. Абсолютным лидером в этой области является Китай. В 2017 г. Китаем на эти цели потрачено 408,8 млрд долл., Индией 50,3 млрд долл., Бразилией 38,4 млрд долл., Россией 37,3 млрд долл. Китай увеличил затраты в 21,9 раза. Внутренние затраты на исследовательские работы в России составили 943,8 млрд руб., сокращение затрат по сравнению с предыдущим годом произошло на 0,4%. Россия занимает 10-е место в рейтинге ведущих стран мира по величине рассматриваемого показателя. Тенденция динамики затрат на исследовательские работы в России в течение последних двух десятилетий совпадает с трендами, характерными для ведущих экономик мира.

Национальные расходы на НИОКР считаются одним из ключевых показателей научно-технического развития страны. «Уровень национальных расходов на НИОКР — относительная величина, которая рассчитывается как общий объем государственных и частных расходов на НИОКР в течение календарного года, включая государственные бюджеты всех уровней, бюджеты коммерческих организаций, гранты и пожертвования от частных фондов и неправительственных организаций. Уровень расходов на НИОКР выражается в процентах от валового внутреннего продукта. В качестве источника информации выступает база данных Института статистики Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры» [<https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info> (дата обращения: 12 августа 2019 г.)].

В Отчете Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности за 2017—2018 гг. зафиксировано, что в ближайшее время глобальная конкурентоспособность стран мира в наибольшей степени будет определяться их инновационным потенциалом. На основании рейтинга по Индексу глобальной конкурентоспособности среди 140 стран, составленного аналитической группой Всемирного экономического форума на основе Индекса глобальной конкурентоспособности и Индекса конкурентоспособности бизнеса подтверждается тот факт, что развивающиеся экономики стран БРИКС продолжают наращивать свой инновационный потенциал и показывать улучшенные показатели из года в год, что характеризует конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития и подтверждают стремление стран БРИКС развивать научно-техническое сотрудничество в перспективе.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.4

© Тарасенко Юрий Александрович

— кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Гражданское право, международное частное право, гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Признание договора заключенным как способ защиты добросовестной стороны при проведении переговоров о заключении договора

Аннотация. Договор возникает при достижении сторонами соглашения относительно всех существенных условий. Такое соглашение является результатом проведения сторонами переговоров, на которых выясняются, уточняются все условия, необходимые для принятия окончательного решения о заключении договора. Долгое время этап переговоров отечественным законодательством не был урегулирован. Все действия, совершаемые сторонами в ходе проведения переговоров, носили исключительно фактический характер, а следовательно, не были защищены позитивным правом. Положение изменилось в 2015 г. В Гражданском кодексе РФ появилась ст. 434.1, регулирующая действия сторон в ходе проведения переговоров о заключении договора. Как показала практика применения данной статьи, появились вопросы, требующие правового осмысления. Так, статья предусматривает только два случая, при которых возможно возложить ответственность в виде убытков на сторону, поступившую недобросовестно. Это предоставление неполной или недостоверной информации и внезапное и неоправданное прекращение переговоров. Автор полагает, что недобросовестными могут быть и действия самой «пострадавшей» стороны (стороны, контрагент которой внезапно прекратил дальнейшие переговоры). Кроме того, автор считает, что взыскание убытков — не единственное последствие, защащающее добросовестную сторону. Недобросовестное поведение одной из сторон, выразившееся, например, в уклонении от заключения договора, при определенных обстоятельствах, способно повлечь применение такого способа защиты, как констатация возникновения договорных отношений сторон (признание договора заключенным).

Ключевые слова: договор; переговоры; заключение договора; убытки; недобросовестное поведение; признание договора заключенным; деликт; преддоговорной спор.

© Yuriy Al. Tarasenko

— Candidate of Law, senior lecturer of the department of civil law, international private law, civil procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport

Recognition of an agreement by a prisoner as a way to protect a bona fide party when negotiating a contract

Abstract. An agreement arises when the parties reach an agreement regarding all material terms. Such an agreement is the result of negotiations by the parties, at which it is clarified, specified all the conditions necessary for a final decision on the conclusion of the contract. For a long time, the stage of negotiations has not been settled by domestic legislation. All actions performed by the parties during the negotiations were purely factual in nature, and therefore they were not protected by positive law. The situation changed in 2015. In the Civil Code of the Russian Federation there has appeared the Article 434.1, regulating the actions of the parties in the negotiations on the conclusion of an agreement. As the practice of applying this article has shown, there have arisen the issues that require legal reflection. Thus, the article provides only two cases in which it is possible to blame losses on the party who acted unfairly. This is the provision of incomplete or inaccurate information and the sudden and unjustified termination of negotiations. The author believes that the actions of the “affected” party (the party whose counterparty suddenly stopped further negotiations) may also be unscrupulous. In addition, the author believes that recovering losses is not the only consequence protecting the bona fide party. Unfair behavior of one of the parties revealed, for example, in avoiding concluding a contract, under certain circumstances, can lead to the use such a method of protection as a statement of the occurrence of a contractual relationship between the parties (recognition of the contract as concluded).

Keywords: contract; negotiations; conclusion of an agreement/contract; losses; unfair/unscrupulous behavior; recognition of the contract concluded; tort; pre-contractual dispute.

Разногласия в торговых отношениях могут возникнуть не только в процессе исполнения торгового договора, но даже и до его заключения.

В современном гражданском праве, несмотря на отказ от планового регулирования и принцип свободы договора, механизм урегулирования преддоговорных споров остался (см. ст. 446 ГК РФ). Если стороны не могут достичь согласия при определении условий договора, то возникшие разногласия могут быть переданы на разрешение суда, — он и определит содержание спорного договорного условия. Однако этот механизм не уни-

версален: он применим только к договорам, заключение которых обязательно по крайней мере для одной из сторон; во всех остальных случаях стороны смогут передать преддоговорный спор на разрешение суда только в случае достижения об этом соглашения. Во всех остальных случаях, т. е. когда заключение договора не является обязательным (а среди торговых договоров таких — подавляющее большинство) и хотя бы одна из сторон не согласна на судебное урегулирование разногласий, сторонам придется либо отказываться от идеи заключения договора друг с другом, либо искать компромисс самостоятельно (например, действовать по аналогии, в порядке, предусмотренном ст. 507 ГК РФ).

В таких условиях особое значение приобретает вопрос о содержании и правовой природе отношений, складывающихся в процессе *переговоров о заключении договора*. Эти отношения в отечественной практике существовали всегда, но они долгое время не замечались частным правом. Этап, предшествующий заключению договора (этап переговоров), не был предметом законодательного регулирования. Нет нужды объяснять, насколько этот этап является важным и ответственным: в конце концов именно на нем выясняются все важные для последующих торговых отношений обстоятельства, в том числе вопросы о финансовой состоятельности контрагента, его деловых, профессиональных и личных «человеческих» качествах; в ходе переговоров окончательно определяется юридическая конструкция будущего взаимоотношения, согласуются требования к его предмету (товару) и т.д.

Ситуация изменилась в 2015 г.: Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ в ГК РФ была внесена новая ст. 434.1, устанавливающая несколько основных требований к порядку проведения переговоров при заключении договора и определяющая последствия их нарушения. Ознакомление с этой статьей позволяет понять: переговоры о заключении договора — весьма непростой институт; во всяком случае, гораздо более сложный, чем может показаться на первый взгляд (в некоторое заблуждение обычно вводит тот факт, что его регулированию посвящена всего одна статья). Главная сложность юридического анализа переговоров состоит в том, что они представляют собой целый комплекс действий, притом, по преимуществу, *фактических*. Законодательно процесс совершения таких действий никак не урегулирован. На практике самый ход ведения переговоров раскладывается на *несколько этапов*, происходящих то последовательно, то одновременно (параллельно); каждый из них принимает *свою собственную форму* (устных переговоров и консультаций, очных и заочных, ведения деловой переписки, заключения самостоятельного соглашения о неразглашении конфиденциальной информации, полученной сторонами в процессе ведения таких консультаций и пр.); наконец, каждый из этих этапов завершается *своим собственным результатом*, который, будучи рассмотренным *отдельно*, сам по себе никаких юридических последствий не создает, но будучи *сложенным с*

другими подобными результатами образует совокупность условий будущего (а то даже и заключенного уже) договора.

С момента вступления в силу рассматриваемой новеллы ГК РФ (1 июня 2015 г.) прошло еще не очень много времени; во всяком случае, сколько-нибудь представительная практика ее применения сложиться еще не успела. Разъяснения, которые дал относительно названной нормы Верховный Суд РФ (п. 19—21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»), слишком общи и мало что прибавляют к содержанию текста самого ГК РФ; в результате нижеследующие суды все еще только нащупывают границы сферы применения данной нормы.

Что с точки зрения права представляют собой действия по ведению переговоров о заключении договора? В особенности вопрос усложняется, если соответствующий процесс не облекается в форму письменного соглашения. Содержанием таких действий, очевидно, является *некое предложение* (вступить в переговоры для того, чтобы в последующем заключить договор на неких определенных условиях) — с одной стороны, и различного рода уточнения, касающиеся поступившего предложения (в том числе встречные предложения по всем или некоторым условиям, акты принятия сделанного предложения и отказа от такого принятия) — с другой.

Составляют ли такие действия содержание каких-нибудь *обязательств*? Можно ли утверждать, что всякий, вступивший с кем-либо в переговоры относительно заключения юридически обязывающего договора, тем самым обязался совершать (или совершить) определенные действия, необходимые для такого заключения (достижения намеченного результата)? Вправе ли другая сторона требовать совершения таких действий? Очевидно, нет. Обязательства (и вообще обязанности) предполагают *определенность* своего содержания, т.е. *определенность тех действий*, которые третируются в качестве обязательных (должных). Процесс же переговоров, как мы уже сказали, бесконечно разнообразен; так, содержание, описанное выше — это всего лишь одна из многих возможных моделей поведения сторон, к тому же весьма приблизительная, нестрогая; конкретные переговоры о заключении договора могут происходить совершенно иначе. Между тем определенность содержания обязательства — это момент, всегда принципиальный; тот, кто обязан, должен знать, к чему он обязан — к совершению каких именно (определенных) действий, охватываемых гражданско-правовым регулированием, чего конкретно от него вправе требовать или ожидать управомоченное лицо. Ни об исполнении, ни о нарушении обязательства без определенности его содержания судить невозможно; обязательство с неопределенным содержанием либо бесцельно (никто ни к чему не обязан), либо беспредельно (должнику придется совершить все, чего ни потребует от него «кредитор»).

Чего могли бы требовать (или ожидать) участники начинаящихся переговоров, например, друг от друга? В том смысле, в котором обязательство понимает ГК РФ, — ничего. Никаких требований (а соответственно, и обязанностей) тут не возникает. Иными словами, несмотря на вроде бы введенную в Кодекс ст. 434.1, действия, составляющие существо и содержание переговоров, по своей сути являются действиями *чисто фактическими*. Результатом этих действий обычно выступает *проект* предварительно согласованного договора (если стороны достигают согласия), который впоследствии стороны подписывают (акцептуют?). Если такого подписания не произойдет, т.е. проект так и не превратится в договор, переговоры окажутся не порождающими никаких правовых последствий. Такой вывод следует из п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, где сказано, что граждане и юридические лица *свободны в проведении переговоров о заключении договора*; что все расходы (убытки), связанные с проведением переговоров и участием в них, они несут *самостоятельно*, и, стало быть, не вправе переложить их (в порядке ответственности) на другую сторону за то, что соглашение не было достигнуто (равно как и сам не отвечает перед другой стороной за это).

Дело может повернуться несколько иначе, если стороны заключат *соглашение о проведении переговоров* (п. 5 ст. 434.1 ГК РФ), в котором предусмотрят порядок их проведения, определят предмет, конкретизируют те действия, которые они должны будут совершить, и, быть может, даже определят особые последствия его нарушения. Подобное соглашение вполне отвечает требованиям ст. 307 и 420 ГК РФ и, соответственно, будучи направленным на возникновение определенных обязательственных отношений, должно таковые порождать. Что это будет за обязательство? Нам наиболее импонирует тот ответ на этот вопрос, который в свое время предложил германский цивилист Л. Эннекцерус: вступление в переговоры о заключении договора создает между сторонами *обязательственное отношение, подобное договору*. Соответственно и вред, причиненный в рамках такого соглашения, будет подлежать возмещению по общим правилам о договорной ответственности [1, стр. 180].

Несмотря на то что действия, совершаемые сторонами в рамках проведения переговоров, по общему правилу не составляют содержания обязательств (юридически защищенных требований и расчетов), закон предусматривает нечто вроде *стандарта*, которому должны отвечать все такие действия. Проведение переговоров может выражаться в любых действиях, лишь бы они совершились *добросовестно*, т. е. *при наличии намерения действительно вступить в договор*. Иными словами, переговоры должны затеваться и вестись ради единственного результата — договора на условиях, взаимовыгодных для обеих его сторон; этой же цели должно быть подчинено участие в переговорах, в каком бы действии оно не выражалось. Если какая-либо из сторон совершил нечто, нарушающее декларируемый

принцип, т.е. поведет себя недобросовестно, то для нее могут возникнуть неблагоприятные последствия, предусмотренные ст. 434.1 ГК РФ, состоящие главным образом в *возмещении убытков в размере негативного договорного интереса*. Этот институт — институт преддоговорной ответственности за вину, допущенную в ходе переговоров о заключении договора, — основывается на принципе *culpa in contrahendo*, известном еще со времен римского права.

Таким образом, недобросовестные преддоговорные действия способны привести к возникновению *деликтных обязательств*, о чём, собственно, недвусмысленно говорит п. 8 ст. 434.1 ГК РФ. Тем не менее вред, причиненный в процессе ведения переговоров о заключении договора, — так называемый негативный договорной интерес, — довольно существенно отличается от вреда в том смысле, в каком он понимается в классическом деликте. Вспомним, что подлежащий возмещению гражданский вред — это всякое умаление имущественной сферы потерпевшего, ставшее следствием виновных действий причинителя вреда (делинквента). Но отчего же возникает вред в преддоговорных отношениях? Как правило, в результате поведения самой пострадавшей стороны, без достаточных оснований положившейся на добросовестность потенциального контрагента; быть может, даже отказавшейся принимать во внимание его явно недобросовестные поступки. Разумеется, сами по себе эти обстоятельства не могут стать основаниями в отказе стороне, потерпевшей от недобросовестных действий другой, от возмещения убытков, по крайней мере, в тех вопросах, в которых опора на поведение и добросовестность другой стороны соответствовали нормальной коммерческой практике. Можно было бы даже назвать такой вред *коммерческим деликтом* — категорией, в отечественном правопорядке еще не разработанной.

Итак, *недобросовестное переговорное (преддоговорное) поведение* является основанием для возложения ответственности в виде возмещения убытков. Статья 434.1 ГК РФ указывает два следующих случая, когда поведение стороны переговоров *предполагается недобросовестным*:

1) предоставление неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Является ли этот перечень исчерпывающим? Норма данной статьи сконструирована именно так. Практика, однако, показывает, что встречаются и иные случаи поведения, которое трудно признать достойным уважения. Поэтому представляется, что ст. 434.1 ГК РФ должна пониматься лишь в том смысле, что в ней даются лишь некие ориентиры, типические модели, сравнение с которыми позволяет понять, каким было поведение

того или другого участника конкретных переговоров. Представляется, что недобросовестным может быть и поведение «пострадавшей» стороны, т.е. той, которая заявляет требования, основанные на положениях ст. 434.1 ГК РФ. Вот один пример. Арендодатель длительное время вел переговоры с потенциальным арендатором на предмет заключения договора аренды нежилых помещений (магазина). В период ведения этих переговоров арендодатель даже произвел ремонт предмета будущей аренды; тем не менее в итоге другая сторона от заключения договора отказалась. Несостоявшийся арендодатель обратился с иском о возмещении убытков, рассматривая который суд установил, в частности, следующее. Отказ будущего арендатора от подписания договора в конечном итоге был обусловлен тем, что на протяжении шестимесячного (!) срока ведения переговоров по поводу заключения договора арендодатель так и не представил арендатору всех документов, необходимых для заключения договора аренды (технической документации на спорный объект, доказательства отсутствия задолженности по коммунальным платежам, доказательств надлежащего технического состояния подлежащих передаче в аренду помещений, а также доказательств содержания и качества ремонтных работ, произведенных истцом). Иными словами, было установлено, что заключение договора сорвалось по вине самого арендодателя. Суд пришел к выводу, что у ответчика имелись достаточные основания для прекращения переговоров о заключении договора аренды и фактического отказа от заключения данной сделки [2].

Рассмотренный пример показывает, что возможный (и, очевидно, неисчерпывающий) перечень недобросовестного преддоговорного поведения в конечном итоге сможет дать только судебная практика.

Может ли факт нарушения стандарта добросовестного переговорного поведения «карататься» признанием договора заключенным, а договорных отношений возникшими? Например, в процессе ведения переговоров стороны обменялись рядом документов, после чего последовал недобросовестный отказ одной из сторон от продолжения сотрудничества; допустимо ли, признав на основании ст. 434.1 ГК РФ факт недобросовестного выхода из переговоров, считать договор заключенным? В особенности, если в ходе переговоров о заключении договора стороны достигли соглашения по всем его существенным условиям, и лишь уже на этапе оформления договора одна из сторон отказывается от такового (отказывается поставить подпись под договором).

Ответ на поставленный вопрос зависит от того, как мы станем расценивать обмен документами в процессе ведения переговоров. Процесс переговоров может длиться продолжительное время, в течение которого стороны согласовывают массу технических и правовых аспектов. Возникает ли в результате такого обмена документами некая «критическая масса», приводящая к возникновению договора? Означает ли процесс переговоров

некий подготовительный этап, который при положительном результате завершается не иначе как заключением договора посредством известного правового инструментария — оферты и акцепта? Должен ли быть у руководства договаривающихся сторон некий промежуточный этап, во время которого (т.е. уже после того, как все технические аспекты согласованы) решается вопрос — заключать ли договор или нет? Или договор возникает сам собою раньше — в процессе самих переговоров при достижении некой «критической массы» — необходимого правового состава?

Думается, что на все поставленные вопросы и, значит, на вопрос первоначальный — о возникновении договора при достижении согласия сторон — надо ответить утвердительно. Подписание уже готового (итогового) документа лишь завершает собою внешнее оформление по существу уже заключенного договора и возникших ранее договорных отношений.

Этот вывод находит подтверждение в судебной практике [3]. Одна из сторон судебного спора принялась отрицать факт заключения договора. Исследовав материалы, суд установил обратное, а именно то, что имеющаяся в деле переписка и документы свидетельствуют о заключении договора. Проанализировав преддоговорную переписку сторон, суд счел, что ответчик действовал с определенной степенью недобросовестности. В соответствии с п. 2 ст. 434.1 ГК РФ при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно. Данный подход соответствует теории так называемой преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*), имплементация которой в российский правопорядок была предусмотрена Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации (см. п. 6 введения, п. 7.7 раздела V, п. 2.11 раздела VIII Концепции), и которая, в конечном счете, воплотилась в положения ст. 434.1 ГК РФ. Суд указал, что установленные в судебном заседании обстоятельства свидетельствуют о безоговорочном принятии истцом всех условий спорного договора.

Таким образом, недобросовестное поведение одной из сторон, выразившееся например, в уклонении от заключения договора, при определенных обстоятельствах способно повлечь применение такого способа защиты, как *констатация возникновения договорных отношений сторон (признание договора заключенным)*. В тех же случаях, когда фактические действия стороны будут квалифицированы судом в качестве недобросовестных, но при этом будет признано, что достичь соглашения по условиям, необходимым для возникновения договора, стороны не успели, единственным правовым средством защиты пострадавшей стороны преддоговорных отношений будет являться возмещение убытков.

Литература

1. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права. — Т. I. Введение и общая часть. — Полутом 2. — Москва, 1950.

2. Постановление Восьмого Арбитражного Апелляционного суда от 16 марта 2017 г. № 08АП-362/2017 по делу № А75-9015/2016.
3. Постановление Третьего Арбитражного Апелляционного суда от 24 ноября 2016 г. по делу № А33-13129/2016

Literature

1. Ennektsrus, L. Kurs germanskogo grazhdanskogo prava [The course of German civil law]. — T. I. Vvedeniye i obshchaya chast'. — Polutom 2. — Moskva, 1950.
2. Postanovleniye Vos'mogo Arbitrazhnogo Apellyatsionnogo suda ot 16 marta 2017 g. № 08AP-362/2017 po delu № A75-9015/2016 [The decision of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated March 16, 2017 No. 08AP-362/2017 in the case No. A75-9015].
3. Postanovleniye Tret'yego Arbitrazhnogo Apellyatsionnogo suda ot 24 noyabrya 2016 g. po delu № A33-13129/2016 [The decision of the Third Arbitration Court of Appeal of November 24, 2016 in case No. A33-13129 / 2016].

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.73:368.89

© Кузьмин Валерий Николаевич

— кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Финансово-правовые аспекты экологического страхования в условиях цифровизации

Аннотация. Деятельность человека всегда связана с экологическим риском. Экологический риск обуславливает экологический ущерб, так как экологический риск, независимо от того, что является источником опасности, связан с возможным ущербом для состояния экосистемы, хозяйственной деятельности и здоровья людей. Экологическое страхование в Российской Федерации с ее многочисленными промышленными объектами, представляющими потенциальную экологическую опасность, должно стать эффективной системой финансирования мероприятий по охране окружающей среды, по обеспечению экологической безопасности. Кроме того, постоянное возникновение различных негативных природных явлений также диктует необходимость проведения указанной деятельности.

Предлагаемая статья подготовлена в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего образования. В ней излагаются ключевые вопросы и категории, составляющие содержание курса «Гражданское право», «Экологическое право». Также в статье рассматриваются вопросы экологического страхования в Российской Федерации с ее многочисленными промышленными объектами, представляющими потенциальную экологическую опасность. Статья подготовлена для всех, кто интересуется правовой проблематикой.

Ключевые слова: экологическое страхование; экологический аудит; цифровая экономика; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный Интернет.

© Valeriy N. Kuzmin

— Candidate of Law, docent, associate professor of the Department of legal regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Financial and legal aspects of environmental insurance in the context of digitalization

Abstract. Human activities are always associated with environmental risk. Environmental risk causes environmental damage, since environmental risk, regardless of what is the source of danger, is associated with possible damage to the ecosystem, economic activity and human health. Environmental insurance in the Russian Federation, with its many industrial facilities representing potential environmental hazard, should become an effective system of financing environmental protection measures to ensure environmental safety. In addition, the constant occurrence of various negative natural phenomena also dictates the need for this activity. The paper has been prepared in accordance with state educational standards of higher education. It deals with the key issues and categories that make up the content of the course "Civil Law", "Environmental Law". The paper also discusses issues of environmental insurance in the Russian Federation with its many industrial facilities that pose a potential environmental hazard. The paper can be interesting for those who are into legal issues.

Keywords: environmental insurance; environmental audit; digital economy; distributed registry systems; quantum technologies; new manufacturing technologies; industrial internet.

Принято считать, что одним из более перспективных способов обеспечения экологической безопасности является система экологического страхования, так как экологическое страхование создает взаимную заинтересованность и страхователя, и страховщика в снижении риска аварий. Оно позволяет уменьшить разовые издержки отдельного предприятия при нанесении им ущерба в результате экологической аварии, а пострадавшим дается гарантия, что они получат причитающуюся по закону сумму компенсаций за причиненный им вред.

В настоящее время в России практически отсутствует страхование риска загрязнения окружающей среды, получившее в мире название «экологическое страхование». Начиная с 2000 г. экологическое страхование в России рассматривается в широком смысле как деятельность, направленная на создание страховой защиты от экологических рисков в сфере хозяйственной деятельности, природопользования и охраны окружающей среды.

Экологическое страхование в Российской Федерации с ее многочисленными промышленными объектами, представляющими потенциальную экологическую опасность, должно стать эффективной системой финансирования мероприятий по охране окружающей среды, по обеспечению экологической безопасности.

На современном этапе, учитывая существующий уровень промышленного потенциала, жизнь общества невозможна без антропогенного воздействия на все элементы природной среды. Особая проблема — аварии на производствах, результаты которых очень велики как в экологическом, так и в экономическом масштабах, причем некоторые из них, например, Чернобыльская, носят характер глобальных катастроф.

Говоря об авариях на промышленных объектах, необходимо заметить, что буквально до недавнего времени виновники причиненных окружающей среде убытков фактически никакой гражданско-правовой ответственности не несли, а возмещение ущерба осуществлялось примерно на 10% из государственных резервов, 2—3% покрывалось причинителями вреда, а оставшаяся часть не покрывалась вовсе. В настоящее время ущерб, который терпят реципиенты от аварийного загрязнения атмосферы и водных источников, ежегодно составляет 2—2,5 млрд руб. [1, стр. 4]

Увеличение числа и масштабов последствий аварий и катастроф в техносфере обусловлено рядом причин:

- введением в производство новых технологий, требующих высокой концентрации энергии, опасных для жизни человека и оказывающих ощущимое воздействие на компоненты окружающей среды веществ;
- крупными структурными изменениями в экономике страны, приведшими к остановке ряда производств и обусловившими нарушение хозяйственных связей и сбой в технологических цепочках;
- накоплением отходов производства, представляющего угрозу окружающей среде (в России ежегодно образуется около 75 млн т отходов, из них утилизируется лишь 50—55 млн т);
- снижением требовательности и эффективности работы надзорных органов и государственных инспекций;
- высокой концентрацией населения, проживающего вблизи потенциально опасных объектов промышленности [2, стр. 38].

Увеличение объема выпуска продукции в результате внедрения автоматизированных и компьютеризированных методов производства на рубеже XX—XXI вв. обуславливает технологические изменения, происходящие в организации страхового дела.

За всю свою историю страхование претерпело несколько фундаментальных технологических инноваций, в частности, внедрение актуарных расчетов, ставшее основой современного страхового дела; использование труда страховых агентов, заложившее основу массового страхования; применение компьютеров, упростивших реализацию многих бизнес-процессов в страховании и т.д.

Использование рассредоточенных баз данных и доступное получение информации о подавляющем большинстве потенциальных страхователей и объектов страхования также обуславливают смену технологического уклада в страховой отрасли и формирование новых страховых услуг.

Для определения места и роли страхования в цифровой экономике необходимо теоретическое обоснование понятия «цифровое страхование», которое может рассматриваться с двух сторон.

Во-первых, под цифровым страхованием может подразумеваться часть экономических отношений, обусловленных наличием страховых интересов у организаций и граждан и их удовлетворением посредством цифровых технологий. Другими словами, цифровое страхование — это способ реализации страховой защиты на основе цифровых технологий.

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р (в настоящее время утратила силу), приводился открытый перечень цифровых технологий, к которым относятся:

- большие данные;
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра;
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- промышленный Интернет;
- компоненты робототехники и сенсорика;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Во-вторых, активное развитие цифровых технологий в условиях формирующейся цифровой экономики становится причиной появления новых рисков, в том числе новой трактовки известных с 1990-х гг. киберрисков, а также иных рисков, которые могут возникать в ходе научных исследований. Часть рисков цифровой экономики минимизируется благодаря использованию механизмов страхования. Поэтому под цифровым страхованием понимается способ удовлетворения потребностей страхователей в специфической страховой защите, обусловленной случайными неблагоприятными событиями, происходящими преимущественно в среде цифровой экономики и сопутствующими применению технологического оборудования, являющегося материальной базой реализации экономических отношений.

Финансовую сторону проблемы аварийного загрязнения и отчасти неудовлетворительного уровня промышленной безопасности может решить ряд выгодных экономических механизмов. Самым значимым из них является экологическое страхование — механизм формирования денежных фондов, создаваемых за счет уплачиваемых страхователем страховых взносов для компенсации возможных потерь и предотвращения загрязнения окружающей среды. Реализация экологического страхования в России является необходимым механизмом в связи с высокой степенью аварийного загрязнения окружающей среды [3, стр. 30].

В целом институт экологического страхования пока не получил развития в России (причина проста — стоит только внимательно прочитать страховые события, по которым страховщик не несет ответственности, а также конкретные убытки, которые страховщиком не возмещаются. Под эти пункты можно подвести любой случай и сделать его не страховым)

Практика отношений в рассматриваемой области страхования позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в России добровольное экологическое страхование развивается не в полной мере в связи с целым рядом проблем.

Низкий уровень промышленной безопасности в Российской Федерации, имеющиеся проблемы в правовом регулировании экологического страхования делают актуальной тему исследования. Немаловажным фактором актуальности является сплетение в избранной теме двух активно развивающихся отраслей российского права — экологического и гражданского. Помимо указанных отраслей права правовое регулирование экологического страхования осуществляется нормами финансового и международного частного права, что делает правовое регулирование данных отношений комплексным, а его объект — актуальным для изучения.

Новизна правоотношений в этой области сказывается на недостаточном теоретическом освещении, в том числе и в курсах правовых дисциплин. Проблемы в правовом регулировании, возникающие как на федеральном, так и на региональном уровнях, остаются малоизученными. Данное обстоятельство, бесспорно, вызывает интерес к правовым исследованиям. Даже само понятие экологического страхования четко не определено ни нормативной, ни теоретической базами. Практика складывающихся отношений в сфере экологического страхования, отчасти в силу новизны, имеет свою специфику, особенности, проблемы и перспективы развития, что выделяет ее среди иных страховых отношений. Экологическое страхование является наиболее оптимальным финансовым механизмом, решающим проблему компенсации экологического вреда при аварийном загрязнении окружающей среды. Иные механизмы охраны окружающей среды не обладают возможностью оперативной компенсации ущерба. При этом экологическое страхование способно реализовывать меры по предотвращению аварийного воздействия на окружающую среду [5, стр. 56].

Общие вопросы экологического страхования, а также некоторые проблемные аспекты правового регулирования рассматриваются в рамках дисциплины экологического права России видными учеными: С. А. Богословым, В. В. Петровым, В. Д. Ермаковым и А. Я. Сухаревым. Имеющиеся научные статьи в периодической литературе также освещают отдельные элементы рассматриваемой темы. Так, проблемы становления и совершенствования законодательства в сфере экологического страхования рас-

смотрены в трудах Г. П. Серова, Н. В. Кичигина, проблемы правового регулирования — в работах А. Г. Нецветаевой, М. С. Жилкиной.

Страхование как форма общественных отношений имеет глубокие исторические корни. Первые формы страхования можно обнаружить в законах Хаммурапи, в которых предусматривалось заключение соглашения между участниками торгового каравана в том, чтобы вместе нести убытки от нападения разбойников. В Древнем Риме существовали специальные коллегии, члены которых периодически уплачивали взносы. В случае смерти члена коллегии его наследнику выплачивалась денежная сумма, предназначенная для финансирования расходов на погребение и материальной поддержки семьи.

В вышеприведенных примерах без труда можно обнаружить прообразы страховых отношений, которые отчетливо сформировались лишь в средневековье. История же экологического страхования куда моложе. Для появления института экологического страхования был необходим ряд предпосылок, с формированием которых происходит законодательное закрепление отношений по страхованию ответственности. Это обусловлено тем, что правовые системы большинства экономически развитых государств не используют понятия экологического страхования, закрепляя в правовых актах лишь страхование ответственности на случай причинения вреда природным объектам. Экологическое страхование возникло в мировой практике в 1960—1970-х гг. [6, стр. 138] В России же становление рассматриваемого вида страхования началось еще позже. Реально механизм экологического страхования начал действовать с 1997 г. после принятия ряда нормативных актов по обязательному страхованию [4, стр. 11]. Экологическое страхование впервые было зафиксировано в международных правовых нормах, а не в нормативных актах национальных правовых систем. Это объясняется прогрессивностью на тот период международного законодательства, которое ранее законодательством многих государств обратило внимание на экологические проблемы и, в частности, на проблему возмещения вреда, причиненного экологическим правонарушением. Исключением в данном случае является законодательство США, закрепившее в середине 1950-х гг. страхование ядерных рисков.

Необходимость законодательного закрепления понятия экологического страхования обусловлена потребностью определения в законодательстве особой группы страховых договоров, производимых в целях оптимального уровня правового регулирования узкой группы развивающихся отношений. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» не содержит четкого понятия рассматриваемого механизма. В ст. 18 Закона под экологическим страхованием понимаются мероприятия, «...осуществляемые в целях защиты имущественных интересов юридических и физических лиц на случай экологических рисков». На наш взгляд, указанное определение не раскрывает характер данных экологи-

ческих правоотношений, а словосочетание «на случай экологических рисков» является некорректным, так как экологический риск является постоянным признаком хозяйственной деятельности [7, стр. 141].

Современная научная доктрина неоднозначно подходит к определению понятия экологического страхования. Ряд теоретиков понимает под ним страхование, осуществляемое в форме гражданской ответственности (Г. П. Серов, К. А. Олейник), другие считают, что экологическое страхование может осуществляться также и в форме имущественного страхования (Г. А. Моткин). Третья группа ученых полагает, что реализация экологического страхования возможна во всех формах, т.е. страхования гражданской ответственности, имущественного и личного страхования (А. Л. Бажайкин, Н. П. Кузнецов, И. Б. Сергеев).

На наш взгляд, понятие экологического страхования следует формулировать, исходя из ряда положений. Прежде всего, страхование как форму финансовой защиты на случай ущерба можно именовать экологическим только в случае, если оно способно компенсировать ущерб окружающей среде. Используя понятийный аппарат Федерального закона «Об охране окружающей среды», под указанным ущербом понимают негативное изменение окружающей среды вследствие ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем или истощение природных ресурсов. В свою очередь загрязнение может быть вызвано как деятельностью человека, так и процессами, происходящими в самой природе вне зависимости от антропогенного воздействия.

Вышесказанное дает основание полагать, что экологическое страхование возможно осуществлять как через страхование гражданской ответственности, так и при помощи имущественного страхования природных объектов. Имущественное страхование может применяться в случае причинения ущерба окружающей среде по обстоятельствам, независимым от хозяйственной и иной деятельности человека, когда не возникает вопрос об ответственности. На рассматриваемое обстоятельство указывает и данное в Законе понятие экологического риска, на случай наступления которого и осуществляется экологическое страхование. Закон под экологическим риском понимает вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, а также чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера.

Продолжая исследовать проблему формирования определения, следует обратить внимание на понятие экологической безопасности, на достижение которой направлено экологическое страхование. Под указанной разновидностью безопасности понимается состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Отнесе-

ние законодателем жизненно важных интересов человека (в первую очередь жизни) к элементам экологической безопасности ставит вопрос о возможности применения экологического страхования, используя систему договоров личного страхования. Однако данную проблему нельзя, на наш взгляд, решать однозначно, так как экологическая безопасность обеспечивается целой совокупностью механизмов, одним из которых и является экологическое страхование. В силу этого утверждение о том, что страхование жизни и здоровья людей (личное страхование) на случай причинения вреда от техногенной аварии либо негативного воздействия природной среды возможно рассматривать в качестве экологического страхования, не имеет законодательного подтверждения [8, стр. 148].

Как было замечено ранее, в правовом регулировании экологического страхования, а значит, и в практике отношений существует ряд проблем. На наш взгляд, для их рассмотрения целесообразно произвести классификацию, выделив государственно-правовые и финансово-экономические проблемы.

Одна из самых главных проблем государственно-правового характера, регулирующих экологическое страхование, — несовершенство нормативной базы. Это выражается в том, что существующая законодательная база не в полной мере отвечает общественным потребностям и интересам, а государственная законодательная машина не может оперативно сработать и принять необходимый нормативный акт.

Недостатком в области природоохранного законодательства и законодательства в области использования атомной энергии является отсутствие механизма финансового обеспечения гражданской ответственности организаций, осуществляющих оборот ядерного оружия и эксплуатирующих ядерных энергетических установок военного назначения. Необходимо законодательно устранить данный пробел, поскольку риск ядерных инцидентов на рассматриваемых объектах весьма велик.

В 2012 г. в законодательстве, регламентирующем вопросы страхования ответственности владельцев опасных производственных объектов, произошло изменение. До января 2012 г. была предусмотрена обязанность организации, производящей эксплуатацию опасного производственного объекта, страховать ответственность по причине вреда, в том числе и окружающей среде, в случае аварии на опасном производственном объекте.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» сделал механизм ответственности владельцев наиболее эффективным, но действие Закона не распространяется на отношения, которые возникают в силу причинения вреда природной среде.

Законом не урегулирована деятельность по страхованию ответственности за вред, причиненный окружающей среде, а проект федерального закон «Об обязательном экологическом страховании» еще не получил должной поддержки, следовательно, не закреплен законодательно. В связи с этим формируется необходимость применения механизма добровольного экологического страхования.

Добровольные виды страхования в России в настоящее время развиваются в неполной мере в связи с недостаточно выработанной правовой базой. В связи с отсутствием у потенциально опасных предприятий достаточного количества финансовых ресурсов, они далеко не всегда создают свои резервные фонды в виде страховых отчислений на случай чрезвычайных непредвиденных ситуаций.

В феврале 2013 г. Советом Федерации были одобрены поправки к Закону, внесенные в классификацию опасных производственных объектов. Согласно законопроекту, внесенному в Государственную Думу Правительством РФ, опасные производственные объекты подразделяются на четыре класса и подлежат обязательной регистрации в государственном реестре. Постановлением Правительства от 28 сентября 2015 г. № 1029 предусмотрены критерии отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к I, II, III, IV классам опасности.

Одной из основных проблем в реализации механизмов экологического страхования является отсутствие базы статистических данных о загрязнениях окружающей среды, которая позволила бы страховщикам правильно оценить вероятность, масштаб убытков и выработать адекватные страховые тарифы.

Другим препятствием выступает сложность экономической оценки таких объектов, как флора и фауна, на случай причинения им вреда в ходе хозяйственной деятельности. Например, согласно Отчету Еврокомиссии от 12 октября 2010 г. об эффективности действия Директивы 35/2004/ЕС экономическая оценка состояния пострадавших природных ресурсов и методов восстановления окружающей среды была признана самым сложным техническим вопросом, требующим дальнейшего изучения.

Существует мнение, что еще одной из проблем является низкий уровень правовой культуры и правовой нигилизм граждан России.

Проблема в основном обусловлена низким уровнем жизни общества, отсутствием действующего механизма гарантированности прав и свобод, а также зачастую отрицательным отношением к законодательству и правовым формам организации общественной жизни. С практической стороны данное обстоятельство выражается в недоверии к страховым институтам, нежелании заключать договоры обязательного страхования, несоблюдении норм законодательства о технической безопасности опасных объектов и осложняется неумением граждан отстаивать свои гражданские права, в том числе в случае причинения им имущественного вреда.

В качестве практических рекомендаций хочется сказать следующее.

1. Следует внести коррективы и законодательно закрепить экологический аудит в качестве необходимой правовой меры при осуществлении экологического страхования. При определении страховой премии по договорам страхования гражданской ответственности организаций, эксплуатирующих опасные объекты, страховщик должен учитывать уровень промышленной безопасности на данном объекте. Наиболее объективным показателем такого состояния являются данные заключения, полученного в результате экологоаудиторской проверки. Помимо этого, при финансировании страховщиком превентивных мероприятий, грамотно проведенный экологический аудит наиболее оптимальным способом может содействовать реализации системы подобных мероприятий.

2. Целесообразно периодически вносить изменения и дополнения в Федеральный закон «Об использовании атомной энергии», а именно: необходимо скорректировать понятийную базу, особенности применения гражданско-правовой ответственности за имущественный вред, причиненный источником атомной энергии или ионизирующего излучения, основные принципы и организационно-правовые вопросы обеспечения ответственности, установить минимальные размеры финансового обеспечения, учитывая положения международного законодательства. При этом следует определить механизм финансового обеспечения гражданской ответственности организаций, осуществляющих оборот ядерного оружия и эксплуатирующих ядерные энергетические установки военного назначения.

3. Следует активизировать механизм финансирования превентивных природоохранных мероприятий страхователя. Рассматриваемая проблема заключается в несовершенстве налогового законодательства в части определения налогооблагаемой базы налога на прибыль.

Опыт развития отечественного экологического страхования показал, что оптимальным является включение страхования в число обязательных условий осуществления тех видов деятельности, которые могут привести к неблагоприятным экологическим последствиям. Поскольку оно является, во-первых, гарантом права лиц, понесших ущерб в результате аварии на потенциально опасном объекте, на получение возмещения ущерба. Во-вторых, средством защиты имущественных интересов владельцев промышленных объектов — источников повышенной опасности в связи с предъявлением им претензий лицами, потерпевшими в результате аварии. В-третьих, средством предотвращения банкротства предприятий в случае крупной аварии и в то же время одним из источников финансирования мероприятий по обеспечению безопасности. В-четвертых, экологическое страхование способствует предотвращению аварий, повышению безопасности потенциально опасных объектов (аудиторские проверки, превентивные мероприятия, финансирование производства безопасной и

экологически чистой технологии из фонда экологического страхования и т.д.).

Одновременно с этим ясно, что страхование не решает всех проблем природопользования и является лишь одним из механизмов, с помощью которого можно предпринять конкретные шаги для охраны окружающей среды и человека. В современных экономических условиях создание и внедрение системы страхования в сфере природопользования должно стать одним из приоритетных направлений государственной природо-ресурсной политики.

Литература

1. Моткин, Г. А. Основы экологического страхования. — Москва : Наука, 1996.
2. Акимов, В. Чрезвычайные ситуации: оценка опасности // Страховое дело.. — 1998.
3. Сухов, С. М. Экономические интересы субъектов экологического страхования : дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2003.
4. Карпова, О. Экологическое страхование: полезно, необходимо и ...неизбежно // ЭКОС-информ. — 2001. — № 2.
5. Корнев, А. В. Обеспечение химической и биологической безопасности населения, биосфера и объектов техносферы как направление государственной политики / А. В. Корнев, В. Н. Кузьмин, Ю. А. Аксаков // Труд и социальные отношения. — 2010. — № 11(77). — С. 61—70.
6. Корнев, А. В. Правовое обеспечение экологической безопасности в странах Евросоюза / А. В. Корнев, В. Н. Кузьмин // Труд и социальные отношения. — 2011. — № 3(81). — С. 136—145.
7. Корнев, А. В. Особенности правового регулирования в сфере охраны окружающей природной среды (на примере Японии) / А. В. Корнев, В. Н. Кузьмин, Ю. А. Аксаков // Труд и социальные отношения. — 2011 — № 1. — С. 141.
8. Корнев А. В. Роль экологической безопасности в мировом политическом процессе / А. В. Корнев, В. Н. Кузьмин, И. В. Кузьмин // Труд и социальные отношения. — 2012 — № 7(97). — С. 145—155.

Literature

1. Motkin, G. A. Osnovy ekologicheskogo strakhovaniya [Fundamentals of environmental insurance]. — Moskva : Nauka, 1996.
2. Akimov, V. Chrezvychaynyye situatsii: otsenka opasnosti [Emergencies: hazard assessment]// Strakhovoye delo.. — 1998.
3. Sukhov, S. M. Ekonomicheskiye interesy sub"yektorov ekologicheskogo strakhovaniya [Economic interests of environmental insurance entities]: dis. ... kand. ekon. nauk. Moskva, 2003.
4. Karpova, O. Ekologicheskoye strakhovaniye: polezno, neobkhodimo i ...neizbezhno [Environmental insurance: useful, necessary and ... inevitable]// EKOS-inform. — 2001. — № 2.
5. Kornev, A. V. Obespecheniye khimicheskoy i biologicheskoy bezopasnosti naseleniya, biosfery i ob"yektorov tekhnosfery kak napravleniye gosudarstvennoy politiki [Ensuring the chemical and biological safety of the population, the biosphere and objects of the technosphere as a direction of state policy] / A. V. Kornev, V. N. Kuz'min, YU. A. Aksayev // Trud i sotsial'nyye otnosheniya. — 2010. — № 11(77). — S. 61—70.

6. Kornev, A. V. Pravovoye obespecheniye ekologicheskoy bezopasnosti v stranakh Yevrosoyuza [Legal support of environmental safety in the EU countries] / A. V. Kornev, V. N. Kuz'min // Trud i sotsial'nyye otnosheniya. — 2011. — № 3(81). — S. 136—145.
7. Kornev, A. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya v sfere okhrany okruzhayushchey prirodnoy sredy (na primere Yaponii) [Features of legal regulation in the field of environmental protection (for example, Japan)] / A. V. Kornev, V. N. Kuz'min, YU. A. Aksayev // Trud i sotsial'nyye otnosheniya. — 2011 — № 1. — S. 141.
8. Kornev A. V. Rol' ekologicheskoy bezopasnosti v mirovom politicheskem protsesse [The role of environmental safety in the global political process] / A. V. Kornev, V. N. Kuz'min, I. V. Kuz'min // Trud i sotsial'nyye otnosheniya. — 2012 — № 7(97). — S. 145—155.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.4

© Мажинская Наталья Геннадьевна

— кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета

К вопросу о понятии «односторонний отказ от исполнения обязательства»

Аннотация. В рамках настоящей статьи автор анализирует российское гражданское законодательство, регулирующее отношения, связанные с односторонним отказом от исполнения обязательства и проблем правового регулирования в этой сфере. Опираясь на отечественный опыт, исследованы и выявлены теоретические и практические проблемы применения одностороннего отказа от исполнения обязательства, связанные с отсутствием четкого определения данной правовой категории в законодательстве РФ.

Ключевые слова: гражданское законодательство; односторонний отказ от исполнения обязательства; публичный договор; кредитная организация, правовая категория.

© Natalya G. Mzhinskaya

— Candidate of Law, docent, associate professor of the department of civil law disciplines, Institute of Law and Management, Moscow City Pedagogical University

To the issue of the concept “unilateral refusal to fulfill an obligation”

Abstract. In the paper the author analyzes Russian civil law governing relations associated with the unilateral refusal to fulfill an obligation and the problems of legal regulation in this area. Due to domestic experience, there have been investigated and identified theoretical and practical problems of unilateral refusal to fulfill an obligation connected with the lack of a clear definition of this legal category in the legislation of the Russian Federation

Keywords: civil law; unilateral refusal to fulfill an obligation; public contract; credit institution, legal category.

В результате реформы гражданского законодательства в 2015 г. были существенно изменены содержащиеся в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) правила о сроке исполнения обязательств и об одностороннем отказе от исполнения обязательств. В частности, существенно был изменен текст ст. 310 и 314, а также появилась ст. 450.1, которая регулирует порядок внеюрисдикционного прекращения договорных отношений.

Понятие «одностороннего отказа от исполнения обязательств» появилось в нормах ГК РФ с 2015 г.

Неюрисдикционными способами являются изменение и расторжение договора по соглашению сторон. Также в ст. 450.1 ГК РФ установлено, что договор прекращается с момента получения стороной уведомления от другой стороны об отказе от договора.

По общему правилу, указанному в п. 1 ст. 310 ГК РФ, односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается. Но согласно п. 2 ст. 310 ГК РФ, если стороны договора ведут предпринимательскую деятельность, они могут согласовать случаи, при которых такой отказ все-таки возможен. Если предпринимательскую деятельность осуществляет только одна из сторон, право на отказ может быть предоставлено договором лишь ее контрагенту. Стороны также могут заранее договориться о плате за односторонний отказ. Но исходя из смысла п. 3 ст. 310 ГК РФ, это также возможно только в отношении договора, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности.

Отказ в интересах слабой стороны. Даже беглого взгляда на ст. 310 ГК РФ достаточно, чтобы заметить — законодатель старается защитить потребителя как слабую сторону договорных отношений. Но слабой стороной договора может быть не только гражданин, но и субъект предпринимательской деятельности. Например, владелец маленького магазина при заключении договора банковского счета находится в неравных условиях с кредитной организацией. Он может только согласиться с заранее определенными условиями договора. Такой договор называется публичным.

Из п. 1 ст. 426 ГК РФ следует, что публичным считается договор на оказание услуг (продажу товара, выполнение работы), который организация должна заключить с каждым, кто к ней обратился. Публичными признаются, например, договоры розничной купли-продажи, перевозки транспортом общего пользования, оказания услуг связи, энергоснабжения, медицинского обслуживания. В публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории.

В соответствии с п. 2 ст. 426 ГК РФ право на односторонний отказ от публичного договора может быть предоставлено договором только той стороне, для которой заключение этого соглашения не обязательно, это положение подтверждается и судебной практикой. Указание на данное об-

стоятельство содержится в абз. 2 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». То есть кредитная организация не может немотивированно отказаться от договора банковского счета, даже если в соглашении указано, что она должна за это заплатить. Ущемление прав слабой стороны может произойти также из-за установления запредельной платы за отказ. Подобный пункт, по сути, делает невозможным отказ от договора. Поэтому суды не применяют условие о том, что слабая сторона может отказаться от договора, только выплатив сумму, которая явно несоразмерна потерям контрагента, как указано в абз. 4 п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

В соответствии с абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 чрезмерная компенсация недопустима и в отношениях равноправных сторон. Чтобы суд отказал во взыскании такой компенсации, надо доказать: несоответствие размера платы неблагоприятным последствиям отказа, недобросовестность предъявления требования о внесении платы. Суд может как уменьшить размер платы, так и полностью отказать в ее взыскании. Последнее, скорее всего, произойдет, если суду будет сложно самому определить справедливый размер компенсации. Поэтому стороне, которая претендует на получение платы и осознает, что ее размер является чрезмерным, лучше самой предоставить справедливый и обоснованный расчет. Решая вопрос о справедливости стоимости выхода из договора, суд может оценивать не только условие договора и преддоговорные отношения, но и обстоятельства, которые сложились после отказа от договора. Так, Верховный Суд РФ признал правомерным вывод нижестоящих судов о том, что плата арендатора за отказ от договора должна быть уменьшена, так как арендодатель сам компенсировал последствия отказа, сдав имущество в аренду другой фирме на более выгодных условиях.

Следовательно, здесь также не предусмотрено участие суда, что позволяет нам отнести односторонний отказ от договора к неюрисдикционным основаниям изменения и расторжения договора.

В научной литературе рассмотрение данной правовой категории исследуется в рамках раскрытия таких понятий, как расторжение или изменение обязательства.

По своей правовой природе, категория одностороннего отказа от исполнения обязательств является исключением из общего принципа о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательств, в связи с чем обладает своими особенностями и основаниями для его применения.

Предлагаем раскрыть понятие одностороннего отказа от исполнения обязательств.

Итак, в сущности, односторонний отказ от исполнения обязательств — это действия одной стороны, направленные на изменение или прекращение правоотношений. Следовательно, односторонний отказ от исполнения обязательств реализуется с учетом наличия волеизъявления только одной стороны, при условии отсутствия согласия второй стороны обязательственных правоотношений.

Именно в связи с наличием данных признаков в научной литературе односторонний отказ от исполнения обязательств рассматривается в виде разновидности односторонней сделки. Считается, что в данном случае, обязательство прекращается или изменяется способом, отличным от его исполнения.

Основная цель права на односторонний отказ определяется в виде возможности снижения экономических потерь потерпевшей стороны, которые вызваны при наличии нарушения договора.

Некоторыми авторами указывается, что односторонний отказ от исполнения обязательства обладает дуалистичным характером, а его правовая природа зависит от двух обстоятельств (первое — наличие самого обязательства, а второе — нарушение обязательств другой стороной, участвующей в договоре).

По своей сути, односторонний отказ от исполнения обязательства является одним из способов расторжения гражданско-правового договора [1].

Возникающие споры, касающиеся законности (незаконности) заявленного стороной отказа от договора, способствуют активному применению данной нормы на практике. В связи с этим следует отметить, что на сегодняшний день законодатель, регулируя вопросы одностороннего отказа, оперирует различными терминами, как то: «односторонний отказ от договора», «односторонний отказ от исполнения договора», «односторонний отказ от исполнения обязательств», что приводит к отсутствию единого понимания значений предложенных понятий, и, как следствие, необходимости в разъяснении их соотношения.

В юридической литературе по данной проблеме существует несколько точек зрения. Так, по мнению А. Н. Семеновой, следует различать «односторонний отказ от исполнения договора» как основание его изменения или расторжения (правомерное действие) и «односторонний отказ от исполнения обязательств по договору» как нарушение условий договора одной из сторон, позволяющей другой стороне отказаться от исполнения такого договора (неправомерное действие) [2].

Жесткое разграничение названных понятий не имеет под собой достаточных оснований, поскольку само по себе заключение договора как юридический факт ведет к возникновению обязательств; заявляя же отказ от исполнения договора, лицо тем самым отказывается от исполнения обязательств по такому договору.

Следовательно, понятия «отказ от исполнения обязательства» и «отказ от исполнения договора» в целом весьма схожи, так как правовые последствия таких действий одинаковы — это прекращение обязательств [3].

Доктринальное различие данных правовых категорий заключается в том, что отказ от исполнения договора распространяется на случаи прекращения только договорных обязательств, тогда как «отказ от исполнения обязательств» помимо договорных обязательств распространяется также на обязательства, возникающие из иных юридических фактов, т.е. различие состоит в объеме их содержания.

Не вдаваясь в рассуждения о причинах использования в тех или иных обстоятельствах названных терминов, обратимся к содержанию положений измененной ст. 310, новой ст. 450.1 ГК РФ, из которых видно, что «отказ от исполнения обязательства», «отказ от договора» и «отказ от исполнения договора» после проведенной реформы формально сравнялись (последние два используются в качестве синонимов — ст. 450.1 ГК РФ носит название «Отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору»). При этом такие изменения формального восприятия указанных определений привели к тому, что ст. 310 ГК РФ из нормы-принципа перешла в разряд императивного запрета на отказ от договора и включение таких условий, за исключением случаев, когда это прямо предусмотрено законом.

Между тем, делать какие-либо выводы, будь то положительные либо отрицательные, относительно исследуемого вопроса в свете произошедших изменений гражданского законодательства не представляется возможным, поскольку практика применения таких норм только формируется и ее исследование требует дальнейшего научного осмысления.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что односторонний отказ от исполнения обязательства заключается в исключительном праве участников договорных отношений, позволяющих при наступлении определенных условиях осуществить отказ от их исполнения в одностороннем порядке.

Литература

1. Тымчук, Ю. А. Право на односторонний отказ от договора: правовая природа и перспективы применения в современных условиях // Молодой ученый. — 2017. — № 1. — С. 356.
2. Семенова, А. Н. Правовой анализ статьи 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. — 2016. — № 4 (25). — С. 143.
3. Галымова, Н. Г. К вопросу о соотношении понятий «односторонний отказ от договора», «односторонний отказ от исполнения договора», «односторонний отказ от исполнения обязательств» // Материалы Всероссийской НПК «Право. Экономика. Общество». — 2017. — С. 1.

Literature

1. Tymchuk, YU. A. Pravo na odnostoronnii otkaz ot dogovora: pravovaya priroda i perspektivy primeneniya v sovremennykh usloviyakh [The right to a unilateral cancellation of the contract: the legal nature and prospects of application in modern conditions] // Molodoy uchenyy. — 2017. — № 1. — S. 356.
2. Semenova, A. N. Pravovoy analiz stat'i 450.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Legal analysis of Article 450.1 of the Civil Code of the Russian Federation] // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii. — 2016. — № 4 (25). — C. 143.
3. Galyamova, N. G. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «odnostoronnii otkaz ot dogovora», «odnostoronnii otkaz ot ispolneniya dogovora», «odnostoronnii otkaz ot ispolneniya obyazatel'stv» [On the question of the relationship between the concepts of “unilateral cancellation of the contract”, “unilateral cancellation of the contract”, “unilateral cancellation of the obligation”]// Materialy Vserossiyskoy NPK «Pravo. Ekonomika. Obshchestvo». — 2017. — S. 1.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9

© Агапов Павел Валерьевич

— доктор юридических наук, профессор кафедры
«Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
kafedraup212@mail.ru

© Меркуриев Виктор Викторович

— доктор юридических наук, профессор, заведующий
отделом научного обеспечения прокурорского надзора
и укрепления законности в сфере федеральной безопасности,
межнациональных отношений и противодействия экстремизму
Университета прокуратуры РФ
merkuriev-vui@mail.ru

Организованная преступность в современной России: состояние, тенденции и меры прокурорского реагирования

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции организованной преступности в современной России, рассматриваются основные криминальные рынки (незаконный оборот оружия, наркопреступность и др.). Значительную роль в организованной преступной среде по-прежнему играют «воры в законе», выполняющие организационные, идеологические и контрольные функции. В рамках противодействия «воровской» идеологии предложены законодательные меры по предупреждению распространения информации, формирующей у ее потребителей установки и стереотипы агрессивного, насилиственного поведения, побуждающей их к насилию по отношению к людям и животным или к совершению других преступлений, в том числе через романтизацию или героизацию насилия, жестокости и преступного образа жизни. Большое внимание уделено особенностям организованной экстремистской деятельности, включая использование информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе. Делается вывод о том, что работа правоохранительных органов на этом направлении должна носить системный характер, основанный на комплексном применении не только правовых, организационных и оперативно-розыскных, но и разведыва-

тельных, контрразведывательных, научно-технических информационно-аналитических мер и кадровых решений.

Ключевые слова: организованная преступность; криминальные рынки; организованная группа; преступное сообщество; воры в законе; деятельность прокуратуры; меры прокурорского реагирования.

© Pavel V. Agarov

— Doctor of Law, professor of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics, Law Institute of the Russian University of Transport
kafedraup212@mail.ru

© Viktor V. Merkuriev

— Doctor of Law, professor, head of the department of prosecutorial supervision and strengthening the rule of law in the area of federal security, interethnic relations and countering extremism of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
merkuriev-vui@mail.ru

Organized crime in modern Russia: state, trends and measures of prosecutorial response

Abstract. The article analyzes the current trends in organized crime in modern Russia, examines the main criminal markets (arms trafficking, drug crime, etc.). A significant role in the organized criminal environment continues to be played by "thieves in law", performing organizational, ideological and control functions. In order to counteract the "thieves'" ideology, there have been proposed legislative measures to prevent the dissemination of information that forms attitudes and stereotypes of aggressive, violent behavior among its consumers, prompting them to violence against people and animals or to commit other crimes, including romanticization or heroization of violence, cruelty and criminal lifestyle. Much attention has been paid to the features of organized extremist activities, including the use of information and communication technologies to spread and propagate the ideology of fascism, extremism, terrorism and separatism, to damage civil peace, political and social stability in society. It has been concluded that the work of law enforcement agencies in this area should be systemic in nature, based on the integrated application of not only legal, organizational and operational-search, but also intelligence, counterintelligence, scientific and technical information and analytical measures and personnel decisions.

Keywords: organized crime; criminal markets; organized group; criminal community; thieves in law; activities of the prosecutor's office; prosecutorial response measures.

В 2018 г. увеличилось по сравнению с предыдущим годом количество расследованных преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, на 18% (до 15 647). Практически все данные преступления — тяжкие и особо тяжкие (97%). Результаты проводимых исследований показывают, что в настоящее время в структуре организованной преступности основную долю составляют преступления экономической направленности, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков: каждый из названных видов преступности занимает примерно по 30% в общем количестве расследованных преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами.

Кроме того, обращает на себя внимание рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (до 292 в 2018 г.). Несмотря на их незначительный удельный вес в структуре организованной преступности (не более 2%), незаконный оборот оружия как один из видов криминального рынка является главным катализатором преступности, поскольку противоправные действия с оружием и боеприпасами выступают фактами, способствующими совершению убийств, разбоев, бандитизма, терактов и других насильственных преступлений.

Помимо этого, отмечается стабильно значительная доля (около 10%) зарегистрированных преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, сформированными по этническому признаку.

Ежегодно около трети (а в 2018 г. — 35,6%) в структуре организованной преступности составляют преступления, предусмотренные ст. 228 и 228.1 УК РФ. В целом незаконный оборот наркотиков продолжает оставаться одним из наиболее опасных и распространенных криминальных рынков с участием организованных групп и преступных сообществ. Несмотря на некоторое снижение в прошедшем году общего количества зарегистрированных преступлений в данной сфере с 208 681 до 200 306, или на 4,0%, результаты криминологических и социологических исследований не позволяют делать вывод о реальном снижении уровня наркопреступности в России.

За период статистических наблюдений с 2010 г. количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества или участие в нем), в сфере незаконного оборота наркотиков в 2018 г. впервые достигло своего пикового значения (120 преступлений).

Следует отметить, что увеличивается количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, укрытых от учета и впоследствии поставленных на учет. До сих пор не удалось сформировать единообразную практику возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных сбытчиков, что является существенной проблемой противодействия наркопреступности в целом и предполагает необходимость продолжения скоординированной межведомственной работы в данном направлении.

Анализ материалов судебной практики показывает, что использование ресурсов сети «Интернет» позволяет организовать «бесконтактную» торговлю наркотическими средствами и психотропными веществами. При этом сам процесс взаимодействия с потребителями наркотических средств построен на использовании создаваемых в социальных сетях или с помощью мессенджеров (*Viber*, *WhatsApp* и т.д.) «диспетчерских», принимающих заказы посредством мобильной связи. В свою очередь, для оплаты, как правило, используются интернет-кошельки.

В 2018 г. отмечается в целом существенный рост количества преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ (на 38,4%, с 198 в 2017 г. до 274 в 2018 г.). Вместе с тем нельзя не отметить, что, во-первых, преодолена тенденция снижения количества зарегистрированных преступлений, наблюдавшаяся с 2016 г. Количество преступлений этого вида в 2018 г. почти сравнялось с показателем 2015 г. (285 преступлений). Во-вторых, обращает на себя внимание и общественная опасность таких преступлений. В истекшем году почти на 18% увеличилось количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в составе организованных преступных формирований (с 12 899 в 2017 г. до 15 153 в 2018 г.), в том числе на 23% выросло число совершенных ими мошенничеств (с 4216 до 5176).

Значительную роль в организованной преступной среде по-прежнему играют «воры в законе», выполняющие организационные, идеологические и контрольные функции. После привлечения к уголовной ответственности за организацию вымогательства в составе организованной группы лидера воровского сообщества России Захария Калашова, на этот раз избежавшего ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, продолжается борьба за это привилегированное положение. С учетом крайне редкого привлечения к уголовной ответственности криминальных лидеров необходимо принять меры по повышению эффективности использования существующих уголовно-правовых механизмов борьбы с организованной преступностью.

Являются возможными и иные направления совершенствования законодательства. Так, в качестве одной из негативных тенденций последнего времени стало объединение молодых людей в организации, пропагандирующие ценности тюремной субкультуры, например АУЕ («Арестантский уклад един»). Проникновение тюремной идеологии в школы и другие

учебные заведения позволяет говорить о необходимости дополнения Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (ст. 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), указанием на информацию, формирующую у ее потребителей установки и стереотипы агрессивного, насилиственного поведения, побуждающую их к насилию по отношению к людям и животным или к совершению других преступлений, в том числе через романтизацию или героизацию насилия, жестокости и преступного образа жизни.

Результатом создания в России общегосударственной системы противодействия экстремистской деятельности и терроризму стало снижение уровня преступлений террористической направленности, совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ. За три последних года их количество снизилось более чем на 40% (с 489 в 2016 г. до 283 в 2018 г.).

Вместе с тем по-прежнему актуальной остается угроза деятельности экстремистских организаций, радикальных общественных объединений и группировок, иностранных и международных неправительственных организаций, направленной на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 43 Указа Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

Характерной особенностью организованных проявлений экстремистской деятельности является использование информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе.

В связи с этим основополагающая задача, стоящая перед органами прокуратуры в целях обеспечения национальной безопасности, заключается в реализации в пределах предоставленных законодательством полномочий государственной политики борьбы с организованными формами экстремистской и террористической деятельности.

В полной мере предупредительный потенциал прокурорской деятельности можно проиллюстрировать на примере анализа практики реализации прокурорами полномочий по обращению в суд с требованием о ликвидации либо запрете деятельности организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской или террористической деятельности.

В соответствии с ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» с административным исковым заявлением о ликвидации либо запрете деятельности объединения граждан в связи с осуществлением таким объединением террористической деятельности вправе обратиться Генеральный прокурор РФ либо подчиненный ему прокурор.

Правом обратиться в суд с требованием о ликвидации общественного или религиозного объединения, иной организации либо о запрете деятельности общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, в соответствии со ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» наряду с прокурором наделен также Минюст России и его территориальные органы.

На 1 марта 2019 г. на территории РФ была запрещена деятельность 101 организации, из них 72 — в связи с осуществлением экстремистской деятельности и 29 — в связи с пропагандой, оправданием и поддержкой терроризма, совершением террористических преступлений.

Как следует из положений Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, многие экстремистские организации стремятся использовать религию как инструмент для вовлечения в свои ряды новых членов, средство для разжигания и обострения межконфессиональных и межэтнических конфликтов, которые создают угрозу основам конституционного строя и территориальной целостности России.

Лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом повышенное внимание они проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе в ходе проведения спортивных, культурных и иных массовых мероприятий.

Следует отметить способность представителей криминальной среды умело использовать в своих целях обострение в отдельных регионах социально-экономических проблем (безработица, инфляция, снижение уровня жизни и т.п.). Достаточно вспомнить события 2013—2014 гг. в Тверской области, когда усиление этнической организованной преступности стало угрозой экономической безопасности целого региона и спровоцировало протестные акции местного населения. Столкновения на этнической почве грозили перерасти в массовые беспорядки и погромы. И лишь совместными скоординированными мерами, принятыми во исполнение Указа Президента РФ от 22 января 2014 г. № 1076, правоохранительным органам удалось тогда стабилизировать обстановку в этом регионе.

Изучение практики реагирования на организованные проявления экстремистской и террористической деятельности показало, что постоянная и целенаправленная работа по запрету деятельности организаций, представляющих угрозу конституционному строю и безопасности страны, об-

щественному порядку, интересам общества и государства, способствовала предупреждению наиболее опасных проявлений организованной преступности в виде организации террористического сообщества и участия в нем (ст. 205.4 УК РФ), организации деятельности террористической организации и участия в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ), организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организации деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ).

Количество преступлений этого вида весьма незначительно и не имеет в России тенденцию к росту (за исключением преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ). Например, за период 2015—2018 гг. прокурорами в суды общей юрисдикции направлены административные исковые заявления о ликвидации (запрете деятельности) 31 общественного и религиозного объединения в 19 регионах России.

В ст. 3.1 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», предусмотрены основания и порядок признания *нежелательной* на территории РФ деятельности иностранных и международных неправительственных организаций, представляющих угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства.

По итогам проверочных мероприятий в Генеральной прокуратуре РФ с начала действия указанной нормы Закона (с июня 2015 г.) приняты решения о признании деятельности 15 иностранных неправительственных организаций нежелательными на территории РФ. Сведения о них внесены в соответствующий перечень, размещенный на официальном сайте Минюста России в сети «Интернет». На основании ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Генеральной прокуратурой РФ в Роскомнадзор направлены требования об ограничении доступа к интернет-ресурсам всех 15 нежелательных организаций, сайты которых заблокированы.

Работа подобных организаций направлена на продвижение интересов не дружественных России иностранных государств и сосредоточена на создании условий для смены власти в Российской Федерации неконституционным путем, в том числе с использованием сценария «цветной революции».

На закрытых обучающих семинарах представители указанных иностранных и международных неправительственных организаций осуществляли подготовку членов российских оппозиционных партий, правозащитных и иных некоммерческих организаций к действиям по дестабилизации общественно-политической ситуации в России.

В частности, ряд проектов, нацеленных на дискредитацию выборных процессов в России, реализовал Национальный демократический институт международных отношений (США), одним из партнеров которого явля-

лась известная Ассоциация некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей “Голос”». Британская компания «Открытая Россия» через подставных лиц направила свыше 1 млн долл. США на поддержку избирательных кампаний и избирательных штабов представителей российских оппозиционных структур на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ в 2016 г.

Острота угроз национальной безопасности, исходящих от экстремистских, террористических и нежелательных организаций, а также использование ими большого числа изощренных способов противоправной деятельности требуют максимальной концентрации усилий государственных органов, в том числе и органов прокуратуры. Поэтому работа на этом направлении должна носить системный характер, основанный на комплексном применении не только правовых, организационных и оперативно-розыскных, но и разведывательных, контрразведывательных, научно-технических информационно-аналитических мер и кадровых решений.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9

© Попов Константин Иванович

— кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Юридического института РУТ (МИИТ), член Российской
академии юридических наук
kiporov@mail.ru

© Ребрикова Екатерина Сергеевна

— магистрант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
ekaterina.vanchina@mail.ru

Социально-демографическая характеристика помилованных и амнистированных граждан

Аннотация. В статье проведен анализ социально-демографической характеристики помилованных и амнистированных граждан в России в период 2013—2015 гг. В результате проведенного анализа автор приводит к выводу о несоответствии количества претендующих на досрочное освобождение осужденных количеству реально помилованных и амнистированных.

Ключевые слова: амнистия; помилованные граждане; социально-демографическая характеристика; осужденные.

© Konstantin Iv. Popov

— Candidate of Law, docent, associate professor of the department
of criminal law, criminal procedure and criminalistics, Law Institute
of the Russian University of Transport (MIIT), member of the Russian
Academy of Legal Sciences
kiporov@mail.ru

© Ekaterina S. Rebrikova

— Master's Degree student of the Law Institute
of the Russian University of Transport (MIIT)
ekaterina.vanchina@mail.ru

Socio-demographic characteristics of pardoned and amnestied citizens

Abstract. The paper analyzes the socio-demographic characteristics of pardoned and amnestied citizens in Russia in the period of 2013-2015. As a result of the analysis, the author concludes that the number of convicts applying for early release does not match the number of those actually pardoned and amnestied.

Keywords: amnesty; pardoned citizens; socio-demographic characteristics; convicted.

При решении вопроса об амнистии или помиловании во внимание принимается характеристика личности человека, осужденного за совершение преступления. Лицо, претендующее на амнистию или помилование, оценивается с позиции социально-ролевых и социально-демографических характеристик.

Оценивание личности осужденного лица производится в комплексе, так как все характеристики подструктур личности тесно взаимосвязаны. Этим и подтверждается актуальность проведения исследования в области социально-демографических характеристик амнистированных и помилованных граждан в местах лишения свободы [1, стр. 42].

Характеристики личности осужденного используются для оценивания эффективности применения наказания и его исправительного воздействия. В то же время социально-демографические характеристики необходимы для рассмотрения вопроса о помиловании осужденного и признании за ним права на амнистию.

Изучение социально-демографических характеристик помилованных и амнистированных лиц нужно вовсе не для того, чтобы получить реальное представление о мотивах и причинах совершения ими преступлений. Такое исследование необходимо, чтобы спрогнозировать процессы ресоциализации помилованного или осужденного гражданина в социальной среде после освобождения из места лишения свободы.

Криминологический анализ позволяет также прогнозировать потенциальные возможности создания помилованными и амнистированными гражданами полноценных семей и рождения детей. При проведении социально-демографического исследования указанного контингента учитываются такие ключевые характеристики, как принадлежность к определенному полу, возрастной группе, наличие у помилованного или амнистированного лица определенного уровня образования и т.д.

При проведении социально-демографического исследования учитывается социальное положение лиц, их семейный статус, наличие определенного уровня дохода и возможности осуществления трудовой деятельности либо в городской, либо в сельской местности.

Специалистами подмечено, что пол человека в наибольшей степени влияет не только на психическое состояние человека, но и на его криминальное поведение. Обратимся к данным по количеству помилованных и амнистированных граждан в России в период 2013—2015 гг. (последняя амнистия была объявлена постановлением Государственной Думы от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»).

Группа осужденных	Год амнистий и помилований		
	2013	2014	2015
Количество помилованных и амнистированных женщин	830	614	511
Количество помилованных и амнистированных мужчин	970	837	796

Из таблицы, представленной выше, видно, что чаще всего под амнистию и помилование попадают мужчины. Это обусловлено тем, что женщины в основном совершают преступления, предусматривающие минимальный срок лишения свободы. Надо сказать, что в российских пенитенциарных учреждениях содержится примерно 70% мужчин и 30% женщин [2, стр. 66].

Исследования в области криминологии позволяют убедиться в том, что вариации возможного преступного поведения зависят от того, к какой возрастной группе относится конкретное лицо. Логично будет предположить, что даже после выхода на свободу по амнистии или в результате помилования это лицо будет вести себя определенным образом в зависимости от принадлежности к конкретной возрастной группе.

Согласно официальной статистике чаще всего совершают преступления лица в возрасте 18—40 лет (на эту возрастную группу приходится до 75% возбужденных уголовных дел). Специалистами также определена возрастная группа с повышенной криминальной активностью — это преимущественно молодые люди в возрасте 20—29 лет. В этой же возрастной группе отмечается наибольшее количество помилованных лиц (в среднем — до 68% от общего числа помилованных граждан).

В целях совершенствования механизма реализации конституционных полномочий Президента РФ по осуществлению помилования, обеспечения участия органов государственной власти субъектов РФ и общественности в рассмотрении вопросов, связанных с помилованием, Указом Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» были образованы соответствующие комиссии, а Комиссия по вопросам помилования при Президенте РФ была упразднена.

Среди помилованных за период 2010—2015 гг. в основном это лица старше 60 лет. Представляется, что большой процент помилованных в этом возрасте обусловлен наибольшей подверженностью граждан этого возраста исправительному воздействию.

При проведении исследования в области социально-демографических характеристик помилованных и амнистированных граждан необходимо принимать во внимание наличие у них определенного образования и интеллектуальных способностей [3, стр. 71].

После пребывания в местах лишения свободы имеющиеся знания и сформированные потребности будут влиять на социальное поведение человека. Таким образом, образование и уровень интеллектуальных способностей влияют на то, как амнистированные и помилованные граждане будут проходить процесс ресоциализации.

Примечательно, что лица с более высоким уровнем образования чаще являются исполнителями экономических преступлений, а граждане с более низким уровнем образования чаще осуждаются за хулиганство, кражи и грабежи.

Лица с более низким уровнем образования чаще других повторно совершают уголовные преступления, поэтому при помиловании таких граждан повышаются социальные риски и возможность повторного привлечения к уголовной ответственности.

К социально-демографическим характеристикам помилованных и амнистированных граждан также принято относить род их занятий, социальный статус (служащий, пенсионер и т.д.). С учетом этих данных можно спрогнозировать, как амнистированное или помилованное лицо будет адаптироваться к социальной жизни и с какой социальной группой оно будет выстраивать контакты. Семейный статус тоже имеет немаловажное значение при принятии решения об амнистии или помиловании.

Высокий процент амнистированных в возрастной группе 18—29 лет указывает на то, что государство надеется на эффективность примененной меры исправления и полноценное развитие вышедшего на свободу человека. Учет уровня материальной обеспеченности оказывает влияние на то, как человек может адаптироваться в социальной сфере после выхода на свободу.

К примеру, по статистике до 15—25% лиц с низким уровнем материальной обеспеченности на момент осуждения повторно совершают уголовные преступления, так как отсутствие средств к существованию снова толкает их на совершение противоправных деяний.

Примерно до 65—70% осужденных не состоят в официально зарегистрированном браке. Отсюда можно сделать вывод, что наличие зарегистрированного брака снижает риски совершения преступления. В то же время ежегодно до 600—1400 осужденных в период нахождения в исправительных учреждениях заключают официальный брак.

Криминологи отмечают, что наличие семьи у осужденного оказывает положительное влияние на развитие у него личностных качеств при нахождении в местах лишения свободы. Это явление можно объяснить тем, что этим лицам есть куда возвращаться, а оказание поддержки от членов семьи позволяет выбрать правильную модель поведения и настроиться на досрочный выход на свободу.

Если при амнистии в первую очередь учитывается конкретный характер совершенного преступления и отбытый срок наказания, то при помиловании решающее значение имеют другие личностные характеристики — добросовестное отношение к труду, примерное поведение и т.д.

И все же при решении вопроса о помиловании или амнистии используется дифференцированный подход к оцениванию социально-демографических характеристик граждан, претендующих на досрочный выход из исправительных учреждений. Количество помилованных и амнистированных, состоящих в официальном браке, составляет примерно 50%. Такое же количество в браке не состоит.

Примерно 12% осужденных лиц, которые не были помилованы или амнистированы, лишаются официального брака, так как российский закон предусматривает возможность одностороннего расторжения брака в случае назначения уголовного наказания супругу.

На сегодняшний день до 90% осужденных относится к возрастной группе 20—49 лет. Лица других возрастов значительно реже совершают преступления. Только 0,5% от общего числа осужденных содержатся в колониях для несовершеннолетних.

Средний возраст осужденного в российской тюрьме — 33,5 года. При этом средний возраст помилованного лица — 46 лет, а средний возраст амнистируемого лица — 31 год. На основе этого можно сделать вывод, что возраст является одним из важных показателей при оценивании личностных характеристик осужденного.

До 89% осужденных лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, являются трудоспособными. Более того, не менее 74% осужденных лиц не имеют серьезных медицинских ограничений к осуществлению трудовой деятельности. Осужденные трудоспособного возраста имеют больше шансов на амнистирование, в то время как лица пенсионного возраста и лица с серьезными заболеваниями имеют больше шансов на одобрение прошения о помиловании [4, стр. 52].

Это обусловлено гуманным отношением государства к гражданам, нуждающимся в медицинском и социальном обслуживании. Лица трудоспособного возраста чаще попадают под амнистию, так как совершенные ими преступления в основном связаны с причинением небольшого или среднего вреда, а сами они рассматриваются в качестве активных участников экономической деятельности государства.

В российских тюрьмах примерно 1,5% осужденных имеют группу инвалидности, программы обязательного лечения проходят в среднем 1,9% от общего числа осужденных.

По данным пробной переписи населения 2018 г., среди осужденных в российских тюрьмах 65,6% имеют неполное или среднее образование. Начальное образование имеют 6,2% от общего числа осужденных. Количество лиц со средне-специальным и высшим образованием, включая неоконченное, составляет 28,2%. Данные такой статистики позволяют убедиться в том, что происходит активный процесс криминализации населения [6, р. 205].

Что касается рода занятий осужденных, то 33% женщин до осуждения имели рабочую специальность, а доля мужчин с рабочей профессией составляет 18,9%. Статус служащих среди осужденных имели 1,8% женщин и 4,6% мужчин. Доля учащихся к моменту осуждения между женщинами и мужчинами тоже разная — 3,4% и 2%. Количество неработающих пенсионеров и безработных среди женщин и мужчин составляет 3,7% и 3,8%. Об отсутствии какого-либо рода занятий на момент привлечения к уголовной ответственности заявили 56,7% женщин и 49% мужчин.

Таким образом, проведенный анализ социально-демографических характеристик амнистированных и помилованных граждан приводит к выводу о несоответствии количества претендующих на досрочное освобождение осужденных количеству реально помилованных и амнистированных [5, стр. 15].

Решение вопроса о помиловании или амнистировании во многом зависит не только от личностных качеств осужденного лица, но и от его социально-демографических характеристик. В конечном итоге именно социально-демографические характеристики являются ключевым параметром для оценивания перспектив ресоциализации бывшего осужденного в социальной среде и установления новых социальных связей.

Литература

1. Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. — Москва : Юнити-Дана, 2014.
2. Права и свободы человека и гражданина. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации / под редакцией К. А. Экштайна. — Москва : Эком, 2015.
3. Амнистия и помилование в российской практике. Собрание текстов в 2 т. — Москва, 2016.
4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. — Москва, 2018.
5. Азарян, Е. Р. Преступление. Наказание. Правопорядок. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2015.
6. Tsepelev, V. F. Corruption and legal limits of anti-corruption enforcement / V. F. Tsepelev, A. V. Borisov, A. V. Vlasov, E. A. Drozdova // International Journal of Economics and Business Administration. — 2019. — Т. 7. — № S1.

Literature

1. Luchin, V. O. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii [Constitution of the Russian Federation]. — Moskva : Yuniti-Dana, 2014.
2. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 2 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [The rights and freedoms of man and citizen. Scientific and practical commentary on chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation]/ pod redaktsiyey K. A. Ekshtayna. — Moskva : Ekom, 2015.
3. Amnistiya i pomilovaniye v rossiyskoy praktike. Sobraniye tekstov v 2 t [Amnesty and pardon in Russian practice]. — Moskva, 2016.
4. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran [A reader on the history of the state and law of foreign countries]/ pod red. Z. M. Chernilovskogo. — Moskva, 2018.
5. Azaryan, Ye. R. Prestupleniye. Nakazaniye. Pravoporyadok [Crime. Punishment. The rule of law.]. — Sankt-Peterburg : Juridicheskiy tsentr Press, 2015.
6. Tsepelev, V. F. Corruption and legal limits of anti-corruption enforcement / V. F. Tsepelev, A. V. Borisov, A. V. Vlasov, E. A. Drozdova [Corruption and legal limits of anti-corruption enforcement]// International Journal of Economics and Business Administration. — 2019. — T. 7. — № S1.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9

© Петров Эдуард Викторович

— магистрант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
av-borisov@mail.ru

К вопросу о субъектах предупреждения преступности в сфере интеллектуальной собственности

Аннотация. В статье рассматривается такая криминологическая проблема, как предупреждение преступности. Рассмотрение предупреждения преступности в рамках данной статьи будет ограничено субъектами предупреждения преступности в сфере интеллектуальной собственности. Автор представил характеристику деятельности таких правоохранительных органов, как МВД, ФТС, ФСБ России, Роспотребнадзор, Роспатент, прокуратура, Суд по интеллектуальным правам.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; преступления в сфере интеллектуальной собственности; преступность в сфере интеллектуальной собственности; субъекты предупреждения преступности в сфере интеллектуальной собственности.

© Eduard V. Petrov

— Master's Degree student of the Law Institute
of the Russian University of Transport
av-borisov@mail.ru

On the issue of crime prevention in the field of intellectual property

Abstract. The paper deals with such a criminological problem as crime prevention. The consideration of crime prevention under this paper will be limited to the subjects of crime prevention in the field of intellectual property. The author has presented a characteristics of the activities of such law enforcement agencies as the Ministry of Internal Affairs, the Federal Customs Service, the Federal Security Service of Russia, Rospotrebnadzor, Rospatent, the prosecutor's office, and the Intellectual Property Rights Court.

Keywords: intellectual property; intellectual property crimes; intellectual property crime; subjects of crime prevention in the field of intellectual property.

В рамках изучения криминологических мер борьбы с преступными деяниями в области интеллектуальной собственности некоторый интерес представляет отношение обычных граждан и сотрудников правоохранительной системы к вопросу совершенствования деятельности, которая направлена на противодействие преступным проявлениям в указанной сфере.

К числу особенностей противодействия преступным проявлениям в области интеллектуальной собственности можно отнести значительное число государственных правоохранительных органов, которые наделены полномочиями по борьбе с этими противоправными явлениями. В связи с данным обстоятельством нами будет рассмотрена деятельность некоторых из них. Итак, к примеру, МВД России выступает субъектом, одним из приоритетных направлений деятельности которого является обеспечение охраны интеллектуальной собственности. В целях координации функционирования участников системы профилактики на сегодняшний день осуществляют свою деятельность 4142 межведомственные комиссии по профилактике правонарушений [1, стр. 83—85].

Осуществляя свою деятельность, МВД России активно взаимодействует с иными органами правоохранительной системы и устанавливает партнерские связи с обладателями интеллектуальных прав, участвует в деятельности по формированию единообразного подхода к методике выявления и расследования правонарушений, которые связаны с оборотом объектом интеллектуальных прав, участвует в работе, направленной на совершенствование законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности.

В то же время на практике существуют и некоторые проблемные вопросы, к числу которых следует отнести: 1) отсутствие в большинстве регионов нашей страны представительств правообладателей при широкой дистрибуции товаров, что препятствует установлению с ними какой-либо связи по рассматриваемым вопросам; 2) органы внутренних дел часто сталкиваются с фактами отказа правообладателей от предъявления претензий и подачи заявления в правоохранительные органы в связи с незначительностью причиненного им ущерба (данное поведение правообладателей также объясняется попыткой защитить свою репутацию и воспрепятствовать распространению информации о подделке их продукции).

Охрана прав интеллектуальной собственности выступает одним из приоритетных направлений деятельности таможенной службы России. Они «применяют меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, таможенный реестр которых ведется данными таможенными органами в государстве — члене Таможенного союза, и объекты интеллектуальной собственности, включенные в единый таможенный реестр

объектов интеллектуальной собственности государств — членов Таможенного союза»¹.

Ключевую роль в выявлении поддельных товаров играет взаимодействие таможенных органов с представителями правообладателей товарных знаков, поскольку на подавляющем большинстве контрафактных товаров незаконно используются чужие товарные знаки.

К числу форм противодействия широкому распространению нелегальной продукции необходимо отнести взаимодействие разных правоохранительных органов и служб. Совместные проверочные мероприятия осуществляются также отделом торговых ограничений и экспортного контроля, отделом таможенной инспекции и органами транспортной прокуратуры. Результатами таких проверок на рынках являются выявленные контрафактные изделия с дальнейшим пресечением нелегальной деятельности [2].

Органами прокуратуры самостоятельно осуществляются проверки по противодействию преступным деяниям в области интеллектуальной собственности, выявляются контрафактные товары, а изобличенные лица привлекаются к юридической ответственности по определенным статьям КоАП РФ и УК РФ в зависимости от выявленного правонарушения [3, стр. 98].

Субъектом, к числу полномочий которого относится противодействие посягательствам на интеллектуальную собственность, выступает Роспотребнадзор. В целях реализации Стратегии развития индустрии детских товаров на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 11 июня 2013 г. № 962-р) на российской границе усилен контроль за ввозимыми на территорию РФ детскими товарами, созданы специализированные сертификационные центры, занимающиеся выработкой новых стандартов для детских товаров и выдачей разрешения о запуске продукта в продажу.

Одним из направлений функционирования ФСБ России выступает выявление правонарушений в области охраны интеллектуальной собственности. При содействии ФСБ России ведется результативная работа по перекрытию крупных каналов поставки нелегальной продукции, в том числе и контрафактного алкоголя [4, стр. 98].

¹ Применение этих полномочий только в первом квартале 2019 г. позволило выявить свыше 36 тыс. единиц контрафактной продукции, которые стали объектами возбужденных дел об административных правонарушениях по ст. 14.10 КоАП РФ. По решению суда данные товары были признаны контрафактными и подлежащими уничтожению. Ежегодно количество изъятых контрафактных изделий увеличивается. Повышение эффективности работы таможенных органов в борьбе с нарушениями прав в сфере интеллектуальной собственности — одна из приоритетных задач, определенных Стратегией развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2575-р).

Роспатент осуществляет следующие полномочия в рассматриваемой сфере деятельности:

- государственную регистрацию:
- изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, товарных знаков, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров, программ для электронно-вычислительных машин, баз данных, топологий интегральных микросхем с выдачей на них в установленном порядке патентов и свидетельств, а также их дубликатов;
- отчуждения исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронно-вычислительных машин, базу данных, залога исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированную топологию интегральной микросхемы, предоставления права использования изобретения, полезной модели, промышленного образца, товарного знака, знака обслуживания, зарегистрированной топологии интегральной микросхемы по договору, предоставления и прекращения права использования изобретения, полезной модели, промышленного образца на условиях принудительной простой (неисключительной) лицензии на основании решения суда, перехода исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронно-вычислительных машин, базу данных без договора (постановление Правительства РФ от 21 марта 2012 г. № 218 «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности»).

Следующим субъектом предупреждения преступных деяний, посягающих на интеллектуальную собственность, выступает Суд по интеллектуальным правам, являясь арбитражным судом первой инстанции. Компетенцию указанного суда составляет рассмотрение дел о правонарушениях в области интеллектуальной собственности [5, стр. 72].

Также необходимо отметить, что в ситуации, когда за защитой нарушенных прав на интеллектуальную собственность обращается организация, которая осуществляет коллективное управление авторскими и смежными правами, топологиями интегральных микросхем, указанные споры находятся в подведомственности арбитражных судов субъектов РФ.

Суд по интеллектуальным правам осуществляет свою деятельность в сотрудничестве со всеми правоохранительными органами, в частности по вопросам привлечения специалистов по конкретным делам, в некоторых ситуациях суд наделен полномочием оспаривания решений государственных органов, к примеру, Роспатента, об отказе в выдаче или выдача патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец; о при-

знании недействительным, полностью или в части патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец; об отказе в принятии заявки на товарный знак и наименование места происхождения товара к рассмотрению и пр. [6, стр. 44]

Эффективность противодействия преступлениям в области интеллектуальной собственности непосредственным образом связана с обеспечением такой деятельности, а это, прежде всего, «информационно-аналитическое обеспечение, криминологическое программирование и планирование профилактических мероприятий, расстановка имеющихся сил и средств, обеспечение их взаимодействия, координация работы, контроль за исполнением, методическое, кадровое, материально-техническое и иное обеспечение» [7, стр. 14].

Серьезное значение в предупредительной деятельности имеет ее координация, особенно территориальных правоохранительных органов, так как именно взаимодействие между подразделениями правоохранительных органов будет способствовать повышению эффективности предупредительной деятельности в области охраны интеллектуальной собственности.

Итак, для эффективной деятельности правоохранительных органов, направленных на предупреждение преступности в области интеллектуальной собственности, необходимо укрепление подразделений, непосредственно осуществляющих мероприятия по противодействию преступным деяниям в области интеллектуальной собственности, повышение уровня их профессионализма и эффективности взаимодействия всех заинтересованных субъектов предупредительной деятельности при подготовке действенной законодательной базы.

Определяющим направлением организационно-управленческой деятельности необходимо считать усиление роли субъектов предупредительной деятельности, работа которых должна осуществляться в четком взаимодействии подразделений друг с другом и быть скоординирована. От уровня взаимодействия указанных органов во многом зависит подготовка механизма реализации действенных мер, предполагающих обеспечение такой деятельности, а также эффективность профилактических мероприятий.

Литература

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. — Москва, 2018.
2. Решетников, А. Ю. Криминология. Краткий : курс лекций / А. Ю. Решетников, О. Р. Афанасьева. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — Москва, 2014.
3. Борисов, А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступлениям, нарушающим авторские, смежные, изобретательские и патентные права : монография. — Москва, 2008.

4. Шиян, В. И. Предупреждение корыстных преступлений, совершаемых женщинами. диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Москва, 2005.
5. Афанасьева, О. Р. Криминология : учебник и практикум / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова, В. И. Шиян. — Москва, 2017.
6. Борисов, А. В. Уголовно-правовые и специально-криминологические меры борьбы с нарушениями авторского и патентного права : дис. канд. юрид. наук. — Москва, 2008.
7. Борисов А. В. Уголовно-правовые и специально-криминологические меры борьбы с нарушениями авторского и патентного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008.

Literature

1. Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Report on the results and main lines of activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. — Moskva, 2018.
2. Reshetnikov, A. YU. Kriminologiya. Kratkiy : kurs lektsiy [Criminology. Brief: lecture course]/ A. YU. Reshetnikov, O. R. Afanas'yeva. — 2-ye izdaniye, pererabotannoye i dopolnennoye. — Moskva, 2014.
3. Borisov, A. V. Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye mery protivodeystviya prestupleniyam, narushayushchim avtorskiye, smezhnyye, izobretatel'skiye i patentnyye prava : monografiya [Criminal law and criminological measures to counter crimes that violate copyright, related, inventive and patent rights]. — Moskva, 2008.
4. Shiyan, V. I. Preduprezhdeniye korystnykh prestupleniy, sovershayemykh zhenshchinami. dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Prevention of mercenary crimes committed by women. the dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. — Moskva, 2005.
5. Afanas'yeva, O. R. Kriminologiya : uchebnik i praktikum [Criminology: a textbook and a workshop]/ O. R. Afanas'yeva, M. V. Goncharova, V. I. Shiyan. — Moskva, 2017.
6. Borisov, A. V. Ugolovno-pravovyye i spetsial'no-kriminologicheskiye mery bor'by s narusheniyami avtorskogo i patentnogo prava [Criminal law and special criminological measures to combat copyright and patent infringement]: dis. kand. yurid. nauk. — Moskva, 2008.
7. Borisov A. V. Ugolovno-pravovyye i spetsial'no-kriminologicheskiye mery bor'by s narusheniyami avtorskogo i patentnogo prava [Criminal law and special criminological measures to combat violations of copyright and patent law]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2008.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.163

© Бобкова Юлия Владимировна
— магистрант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
rabochi12345@yandex.ru

Реализация прокурором полномочий по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом

Аннотация. В настоящей статье исследуется процессуальная деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом, раскрывается ее правовая природа. Обращается внимание на существующие в уголовно-процессуальной доктрине современные научные подходы к определению сущности процессуальной деятельности прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом, в частности, рассматривается возможность выделения данной деятельности в самостоятельную стадию досудебного производства по уголовному делу, включения в стадию назначения судебного заседания. Анализируется объем процессуальных полномочий прокурора при осуществлении процессуальной деятельности по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом. Обращается внимание на необходимость вернуть в УПК РФ полномочия прокурора по самостоятельному определению пределов уголовного преследования на этапе утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта).

Ключевые слова: окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (обвинительным актом); прокурор; процессуальный статус прокурора; обвинительное заключение; обвинительный акт; процессуальная деятельность прокурора по уголовному делу.

© Yuliya V. Bobkova
— Master's Degree student of the Law Institute
of the Russian University of Transport
rabochi12345@yandex.ru

Implementation of prosecutor's powers in a criminal case received with an indictment

Abstract. This paper analyzes the procedural activity of a prosecutor in a criminal case received with an indictment or indictment, reveals its legal nature. The paper pays attention to the present scientific approaches existing in the criminal procedure doctrine to determine the essence of the procedural activity of the prosecutor in a criminal case received with an indictment. In particular, there has been considered the possibility to separate this activity into an independent stage of pre-trial criminal proceedings, to include it in the appointment of the hearing. The author analyzes the scope of a prosecutor's procedural powers in carrying out procedural activities in a criminal case received with an indictment. Attention has been paid to the necessity to return a prosecutor's powers to independently determine the limits of criminal prosecution at the stage of approval of an indictment to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: end of preliminary investigation with indictment; the prosecutor; the procedural status of the prosecutor; indictment; procedural activity of a prosecutor in a criminal case.

Предварительное расследование по уголовным делам в зависимости от процессуальной формы, в которой оно производилось (следствие или до-знание) в своей заключительной части представлено процессуальной деятельностью прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом. Последняя включает следующие группы процессуальных действий: проверку законности и обоснованности обвинительного заключения (акта) в рамках прокурорского надзора; действия прокурора после утверждения обвинительного заключения (акта) по направлению уголовного дела в суд.

Как справедливо отмечают А. В. Шигуров и Е. И. Шигурова, «выполняя данные действия, прокурор одновременно осуществляет как надзорную функцию по выявлению и устранению нарушений закона, допущенных в стадии возбуждения уголовного дела и предварительном расследовании, так и контрольную функцию, связанную с оценкой готовности дела по всем важным параметрам к рассмотрению в судебных стадиях» [1].

Следует отметить, что на данном этапе производства по уголовному делу прокурор впервые обретает возможность дать правовую оценку правильности квалификации инкриминируемого обвиняемому деяния, проверить полноту, всесторонность и объективность проведенного расследования, установить соответствие доказательств, собранных по уголовному делу, предусмотренным в законе требованиям (относимость, допустимость, достоверность и достаточность).

Анализируя правовую природу процессуальной деятельности прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом, следует отметить, что в уголовно-процессуальной доктрине отсутствует единство во мнениях по данному вопросу. Так, по мнению А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, «в настоящее время существуют объективные предпосылки для рассмотрения процессуальной деятельности прокурора, реализуемой в рамках гл. 31 УПК РФ в качестве находящейся на этапе законодательного оформления новой третьей стадии досудебного производства по уголовному делу» [2, стр. 752].

Анализ литературных источников позволяет прийти к выводу, что наряду с предложениями ряда авторов о необходимости выделить процессуальную деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом в самостоятельную стадию досудебного производства по уголовному делу, включения данной деятельности в стадию назначения судебного заседания, отдельные авторы рассматривают ее в качестве одного из этапов окончания предварительного расследования [3, стр. 143—148; 4, стр. 59—61].

Принимая во внимание бесспорную теоретическую и практическую значимость приведенных научных позиций, более обоснованной, на наш взгляд, представляется точка зрения И. М. Алексеева. Так, автор отмечает, что «процессуальная деятельность прокурора по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением или обвинительным актом обладает всеми свойствами, характерными для самостоятельной стадии уголовного процесса» [5, стр. 65—70].

Полагаем, что процессуальную деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом, следует рассматривать в качестве самостоятельной стадии досудебного производства по уголовному делу, содержание которой образуют процессуальные действия и решения прокурора, направленные на проверку законности и обоснованности, полноты и всесторонности предварительного расследования и реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Правовую основу процессуальной деятельности прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом, образуют нормы гл. 31 (ст. 221—222) и ст. 226 УПК РФ.

Анализируя содержание гл. 31 УПК РФ, Е. С. Белобородова отмечает, что «единственная в Уголовно-процессуальном кодексе статья (ст. 221), посвященная действиям прокурора при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением, не содержит вопросов, ориентирующих его на принятие обоснованного и взвешенного процессуального решения» [6, стр. 39—44]. На наш взгляд, подобное положение дел является существенным законодательным пробелом, требующим разрешения.

В контексте обозначенной проблемы представляется справедливой точка зрения О. Я. Баева, по мнению которого «...включение в ст. 221 УПК РФ перечня вопросов, подлежащих проверке прокурором на этапе ознакомления с обвинительным заключением, будет способствовать повышению качества его деятельности» [7, стр. 609].

Для принятия решения об утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта) и направлении уголовного дела в суд прокурор должен располагать достаточным объемом полномочий, наличие которых, позволит восполнить утраченные им полномочия на стадии предварительного расследования. Вместе с тем анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет усомниться в том, что этих полномочий достаточно, так как с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ прокурор был лишен отдельных прав, в том числе тех, которые он мог реализовать на этапе утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта). В частности, из полномочий прокурора была исключена возможность составить новое обвинительное заключение; изменить объем обвинения либо переквалифицировать действия обвиняемого на основании уголовного закона о менее тяжком преступлении; прекратить уголовное дело либо уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых полностью или частично; изменить или отменить ранее избранную в отношении обвиняемого меру пресечения; дополнить и сократить список лиц, подлежащих вызову в суд со стороны обвинения.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что согласно действующему законодательству прокурор может выразить свое несогласие с обвинением, содержащимся в обвинительном заключении, только посредством возвращения уголовного дела следователю с целью производства дополнительного следствия; изменения объема обвинения или квалификации действий обвиняемых. В этом отношении представляется справедливой точка зрения Д. А. Сычева, что «действующее законодательство по-прежнему дает прокурору возможность определять пределы уголовного преследования, но не самостоятельно, а через следователя» [8, стр. 120—123].

Кроме того представляется важным отметить, что согласно ст. 221 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа вправе обжаловать постановление прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков [9, стр. 56].

Принимая во внимание точки зрения современных авторов, представляется необходимым вновь наделить прокурора правом самостоятельно определять пределы уголовного преследования на этапе утверждения обвинительного заключения, поскольку, исходя из буквального толкования

ст. 37 УПК РФ, законодатель придает функции уголовного преследования несколько приоритетное значение в сравнении с функцией надзора. С учетом изложенного полагаем, что решения законодателя о сокращении полномочий в части уголовного преследования, в том числе на окончательном этапе предварительного следствия, представляются не последовательными.

В результате проведенной реформы следователи приобрели процессуальную свободу при производстве расследования, без оглядки на прокурора, который ранее имел возможность вмешаться в его действия, навязывая ему свое видение решения задачи. В то же время вследствие потери контроля над следствием и упущеных возможностей по производству тех или иных следственных действий прокурор лишился возможности восполнить недополученный объем информации по делу для обеспечения должного уровня поддержания обвинения.

Рассматривая проблемы реализации прокурором полномочий по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением еще до нововведений 2007 г. в УПК РФ, существенно ограничивших его полномочия на этапе расследования уголовного дела, Т. Ю. Цапаева указывает на целесообразность передачи прокурору полномочий по составлению обвинительного заключения. Подобное нововведение, как отмечает автор, позволит прокурору более детально ознакомиться с материалами уголовного дела и повысить его персональную ответственность за результаты изучения дела, проверки и оценки имеющихся доказательств» [10, стр. 140].

В свою очередь А. М. Багмет вносит предложение передать право утверждать обвинительное заключение от прокурора руководителю следственного органа, что, по мнению автора, позволит исключить неэффективный двойной контроль над деятельностью следователя, волокиту, перенаправление уголовных дел от одного органа к другому. Позиция автора подтверждается тем, что, как правило, на практике изучает полученное от следователя уголовное дело и утверждает обвинительное заключение один прокурор, а обвинение в суде поддерживает другой, что свидетельствует о нерациональном использовании материальных и временных ресурсов. Кроме того, прокурор, который поддерживает обвинение, связан мнением руководителя прокуратуры, утвердившего обвинительное заключение [11].

Обозначенная позиция представляется нам справедливой, поскольку подобная новелла, при условии сохранения за прокурором, а возможно, и усиления надзорной функции за предварительным следствием, станет важной процессуальной гарантией качества производства предварительного следствия, соблюдения разумных сроков его производства, а также повысит ответственность следователя и руководителя следственного органа за его полноту, всесторонность и объективность.

Сказанное позволяет прийти к выводу о необходимости расширения полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, посредством наделения его правом составлять новое обвинительное заключение, изменять объем обвинения или квалификацию действий обвиняемого, руководствуясь уголовным законом о менее тяжком преступлении, а также прекращать уголовное дело или уголовное преследование. Полагаем, что в этом случае прокурор получит объективную возможность поддерживать государственное обвинение на основе обвинительного заключения, которое в полной мере отражает его внутреннее убеждение.

Литература

1. Шигуров, А. В. Правовые позиции российских судов по вопросам реализации прокурором полномочий по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (ст. 221 УПК РФ) / А. В. Шигуров, Е. И. Шигурова // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3 // URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/03> (дата обращения: 1 августа 2019 г.).
2. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общей редакцией А. В. Смирнова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2017.
3. Голова, С. И. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения: понятие, сущность, историческая ретроспектива // Общество и право. — 2013. — № 4 (46).
4. Буров, Ю. В. О понятии «окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения» / Ю. В. Буров, А. А. Насонов // Закон и право. — 2012. — № 5.
5. Алексеев, А. И. Деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением как самостоятельная стадия уголовного процесса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — № 3 (55). — 2012.
6. Белобородова, Е. С. О полномочиях прокурора на заключительном этапе предварительного следствия // Новый юридический вестник. — 2018. — № 3.
7. Баев, О. Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса : сборник. — Москва : Эксмо, 2011.
8. Сычев, Д. А. Соотношение функций уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью следователя при утверждении обвинительного заключения прокурором // Криминалистъ. — 2014. — № 1 (14).
9. Борисов, А. В. О некоторых проблемах производства дознания по очевидным преступлениям на объектах транспорта // Транспортное право и безопасность. — 2017. — № 9 (21).
10. Цапаева, Т. Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. — Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2003.
11. Багмет, А. М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // URL: <http://отрасли-права.рф/article/7692> (дата обращения: 1 августа 2019 г.).

Literature

1. Shigurov, A. V. Pravovyye pozitsii rossiyskikh sudov po voprosam realizatsii prokurorom polnomochiy po ugolovnomu delu, postupivshemu s obvinitel'nym zaklyucheniem (st. 221 UPK RF) [Legal positions of Russian courts on the implementation by the prosecutor of powers in a criminal case received with an indict-

- ment]/ A. V. Shigurov, Ye. I. Shigurova // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii. 2016. № 3 // URL: <http://web.sciencedirect.com/science/article/pii/S092913291630001X> (data obrashcheniya: 1 avgusta 2019 g.).
2. Ugolovnyy protsess : uchebnik [Criminal process: textbook]/ A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskiy; pod obshchey redaktsiyey A. V. Smirnova. — 7-ye izd., pererab. i dop. — Moskva : Norma, 2017.
 3. Golova, S. I. Okonchaniye predvaritel'nogo sledstviya sostavleniyem obvinitel'nogo zaklyucheniya: ponyatiye, sushchnost', istoricheskaya retrospektiva [The end of the preliminary investigation by drawing up the indictment: concept, essence, historical retrospective]// Obshchestvo i pravo. — 2013. — № 4 (46).
 4. Burov, YU. V. O ponyatii «okonchaniye predvaritel'nogo sledstviya s sostavleniyem obvinitel'nogo zaklyucheniya» [On the concept of “ending the preliminary investigation with the preparation of the indictment”]/ YU. V. Burov, A. A. Nasonov // Zakon i pravo. — 2012. — № 5.
 5. Alekseyev, A. I. Deyatel'nost' prokurora po ugolovnomu delu, postupivshemu s obvinitel'nym zaklyucheniym kak samostoyatel'naya stadiya ugolovnogo protsessa Rossii [The activities of the prosecutor in a criminal case received with an indictment as an independent stage of the criminal process of the Russian Federation]// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — № 3 (55). — 2012.
 6. Beloborodova, Ye. S. O polnomochiyakh prokurora na zaklyuchitel'nom etape predvaritel'nogo sledstviya [About the powers of the prosecutor at the final stage of the preliminary investigation]// Novyy yuridicheskiy vestnik. — 2018. — № 3.
 7. Bayev, O. YA. Izbrannyye raboty po problemam kriminalistiki i ugolovnogo protsessa : sbornik [Selected works on the problems of forensic science and the criminal process: collection]. — Moskva : Eksmo, 2011.
 8. Sychev, D. A. Sootnosheniye funktsiy ugolovnogo presledovaniya i nadzora za protsessual'noy deyatel'nost'yu sledovatelya pri utverzhdenii obvinitel'nogo zaklyucheniya prokurorom [Correlation of the functions of criminal prosecution and supervision of the procedural activities of an investigator when approving a bill of indictment by a prosecutor]// Kriminalist". — 2014. — № 1 (14).
 9. Borisov, A. V. O nekotorykh problemakh proizvodstva doznaniya po ochevidnym prestupleniyam na ob"yektakh transporta [About some problems of the inquiry of obvious crimes at the objects of transport]// Transportnoye pravo i bezopasnost'. — 2017. — № 9 (21).
 10. Tsapayeva, T. YU. Uchastiye prokurora v dokazyvanii na predvaritel'nom sledstvii [The participation of the prosecutor in the evidence at the preliminary investigation]. — Samara : Izd-vo Samarskogo un-ta, 2003.
 11. Bagmet, A. M. Ob ustranenii dvoyevlastiya v ugolovnom presledovanii [On the elimination of dual power in criminal prosecution]// URL: <http://otrasli-prava.ru/article/7692> (data obrashcheniya: 1 avgusta 2019 g.).

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

УДК 35

© Мамина Оксана Ивановна

— кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Теория права, история права и международное право»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Системные свойства правового института государственной службы иных видов

Аннотация. В статье делается попытка осмыслиения контекста Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и других законодательных источников в части определения системных свойств правового института государственной службы иных видов. Перечисляются подвиды исследуемого вида государственной службы и определяются их общие признаки. С использованием научного метода системного анализа исследуются элементы системы государственной службы Российской Федерации, делаются выводы об открытости перечня ее видов и необходимости в связи с этим дальнейшей доработки законодательства.

Ключевые слова: государственная служба; система государственной службы; виды государственной службы; гражданская служба; военная служба; иные виды государственной службы; государственный орган; правоохранительные органы; правоохранительная деятельность; правоохранительная функция государства.

© Oksana Iv. Mamina

— Candidate of Law, associate professor of the department
of theory of law, history of law and international law,
Law Institute of the Russian University of Transport

Systemic properties of the legal institution of government service of other types

Abstract. The paper makes an attempt to comprehend the context of the Federal Law issue on May 27, 2003 No. 58-ФЗ “On the Government Service System of the Russian Federation” and other legislative sources to determine the systematic properties of the legal institution of government service of other types. The paper lists the sub-types of the investigated type of government

service and determines their common features. Using the scientific method of system analysis, there have been investigated the elements of the government service system of the Russian Federation. There has been made the conclusions about the openness of the list of its types and the necessity for further development of the legislation.

Keywords: government service; government service system; types of government service; civil service; military service; other types of government service; government agency; law enforcement agencies; law enforcement activities; law enforcement function of the state.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» система государственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов.

Напомним, что некоторое время назад система государственной службы претерпела определенную модификацию, когда в федеральное законодательство были внесены изменения в части исключения из перечня видов государственной службы понятия «правоохранительная служба» и введения формулировки «государственная служба иных видов».

Наряду с определениями государственной гражданской службы и военной службы, содержащимися соответственно в ст. 5 и 6 упомянутого Закона, в него не была введена статья или норма, раскрывающая понятие третьего вида государственной службы — государственной службы иных видов. Законом лишь закреплено, что государственная служба иных видов устанавливается федеральными законами и является видом федеральной государственной службы, т.е. издание единого закона о государственной службе иных видов данный нормативный акт не предполагает. Использование в контексте исследуемого законодательства такого приема юридической техники, как употребление слова «иные» без последующей конкретизации, может восприниматься как пробел законодательства относительно определения элементов системы государственной службы.

Одновременно Федеральным законом от 13 июня 2015 г. № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации”» вместо понятия «правоохранительная служба» была введена дефиниция «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью». Представляется, что основным признаком государственной службы иных видов, таким образом, является прохождение ее в государственных органах, функции которых имеют характер правоохранительной деятельности, т.е. примерно то же, что и было в прежней редакции Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ относительно правоохранительной службы.

Тем не менее из изменений, внесенных Федеральным законом от 13 июня 2015 г. № 262-ФЗ в другие федеральные законы, видно, что законодатель, хотя и подразумевает именно правоохранительную направленность государственной службы иных видов, но в указанном контексте государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью, воспринимается именно как разновидность государственной службы иных видов. Соответственно, актуальным остается вопрос определения и других подвидов данного вида государственной службы, так как на легальном уровне не устанавливается явного отождествления понятий «иные виды» и «служба, связанная с правоохранительной деятельностью».

Анализ текущего состояния законодательства позволяет установить, что в настоящее время к государственной службе Российской Федерации иных видов относится:

1) *служба в органах внутренних дел Российской Федерации*. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дает следующее определение службы в органах внутренних дел — это федеральная государственная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел РФ, а также на должностях, не являющихся должностями в органах внутренних дел, в случаях и на условиях, которые предусмотрены настоящим Законом, другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента РФ;

2) *служба в федеральной противопожарной службе*. В соответствии с Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» служба в федеральной противопожарной службе — это федеральная государственная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на решение задач в области пожарной безопасности, территориальных органах федерального органа исполнительной власти в области пожарной безопасности — региональных центрах по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органах, уполномоченных решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъектам РФ, подразделениях, организациях и учреждениях федерального органа исполнительной власти в области пожарной безопасности, а также на должностях, не являющихся должностями в федеральном органе исполнительной власти в области пожарной безопасности, подразделениях, в случаях и

на условиях, которые предусмотрены федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента РФ;

3) *служба в уголовно-исполнительной системе*. Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» служба в уголовно-исполнительной системе определяется как вид федеральной государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, а также на должностях, не являющихся должностями в уголовно-исполнительной системе, в случаях и на условиях, которые предусмотрены федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента РФ.

Отметим, что в указанных выше нормативных актах содержатся идентичные положения относительно определения взаимосвязи службы в органах внутренних дел, службы в федеральной противопожарной службе, службы в уголовно-исполнительной системе службы и государственной службы иных видов. Данная взаимосвязь обеспечивается на основе единства системы государственной службы и принципов ее построения и функционирования, а также посредством:

1) соотносительности основных условий и размеров оплаты труда, а также основных социальных гарантий при прохождении службы в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе, уголовно-исполнительной системе и государственной службы иных видов;

2) установления ограничений и обязательств при прохождении службы в федеральной противопожарной службе, уголовно-исполнительной системе, органах внутренних дел и государственной службы иных видов;

3) учета стажа службы в указанных структурах при исчислении стажа государственной службы иных видов, а также учета стажа государственной службы иных видов при исчислении стажа службы в данных органах в порядке, установленном федеральными законами;

4) соотносительности специальных званий, воинских званий, классных чинов и дипломатических рангов;

5) соотносительности основных условий государственного пенсионного обеспечения сотрудников федеральной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел и граждан, проходивших государственную службу иных видов.

Гражданину, проходившему государственную службу иных видов, назначаемому на должность высшего начальствующего состава, или сотруднику указанных структур, назначаемому на соответствующую должность государственной службы иного вида, по решению Президента РФ

могут быть сохранены социальные гарантии, которые имел указанный гражданин или сотрудник;

4) *служба в таможенных органах Российской Федерации* — является особым видом государственной службы граждан Российской Федерации, осуществляющих профессиональную деятельность по реализации функций, прав и обязанностей таможенных органов, входящих в систему правоохранительных органов РФ. Данная формулировка Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» может вызывать некоторые вопросы, связанные с установлением «особого вида государственной службы» как разновидности государственной службы иных видов. При этом также стоит отметить, что несмотря на отсутствие в законодательстве РФ легитимных определений правоохранительной системы и правоохранительных органов, именно в ст. 1 указанного Закона определено, что таможенные органы входят в систему правоохранительных органов РФ [4]. Таким образом, указанная правовая норма определяет таможенные органы как элемент правоохранительной системы, и соответственно вид правоохранительных органов.

При этом, по справедливому замечанию В. А. Козбаненко, исходя из буквального толкования норм действующей редакции Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ, который относит службу иных видов к федеральной службе, эта служба может состоять, помимо прямо указанных в законе военной и гражданской службы, только из тех видов, которые установлены специальными законами. В этих так называемых видовых законах должны содержаться определения соответствующего вида федеральной государственной службы, ее особенности, включая особенности поступления, прохождения и прекращения, а также правового положения (статуса) федеральных государственных служащих данного вида службы, особенности присвоения им специальных званий или классных чинов, присущих данному виду службы. А так как кроме действующих Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», подобные нормы содержатся только в Федеральном законе «О службе в таможенных органах Российской Федерации», можно сделать вывод, что действующее федеральное законодательство не устанавливает каких-либо видов государственной службы, кроме военной, гражданской и именно службы в таможенных органах [2].

Однако данная ситуация представляется абсурдной главным образом потому, что так называемые иные виды службы существуют в действительности. Налицо классический случай несовпадения правового регулирования де-юре и правовой реальности де-факто. Возникшее расхождение правовой формы и сущности менее всего имеет юридико-техническую природу, поскольку причины намного глубже;

5) служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации. В соответствии с ст. 24 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в войсках национальной гвардии предусматриваются военная служба, служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации, государственная гражданская служба. Личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, сотрудников и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) войск национальной гвардии.

Таким образом, закономерным является вывод о том, что служба в войсках национальной гвардии также является разновидностью государственной службы иных видов, должности которой комплектуются сотрудниками путем добровольного поступления граждан Российской Федерации на службу в войска национальной гвардии;

6) служба в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации. Прокуратура РФ — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ.

В соответствии со ст. 40 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» служба в органах и организациях прокуратуры является федеральной государственной службой. Прокурорские работники являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по должности федеральной государственной службы с учетом требований указанного Закона. Им же определяются правовое положение и условия службы прокурорских работников.

Трудовые отношения работников органов и организаций прокуратуры регулируются законодательством РФ о труде и законодательством РФ о государственной службе с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Законом.

Закон не конкретизирует отнесение службы в прокуратуре к видам государственной службы, обозначенным Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ. Однако в контексте установления целей деятельности данного государственного органа по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства и определения видов надзорной деятельности прокуратуры обоснованным представляется вывод об отнесении службы в прокуратуре к службе иных видов. В современной России органы прокуратуры по кругу решаемых задач и реализации ряда исполнительно-распорядительных функций, безусловно, относятся к правоохранительным и близки по характеру своей деятельности к правоохранительным органам исполни-

тельной власти, о которых речь шла выше. Однако данные органы имеют особый конституционно-правовой статус, что обусловлено указанными функциями органов прокуратуры. В связи с этим в настоящее время в органах прокуратуры сложился особый вид государственной службы, в основу которой положен порядок прохождения службы, присущий гражданской государственной службе, что не исключает возможности отнесения службы в органах прокуратуры в силу правоохранительной специфики к разновидности государственной службы иных видов;

7) служба в *Следственном комитете Российской Федерации* — является федеральной государственной службой, которую проходят сотрудники Следственного комитета в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами РФ. Сотрудники Следственного комитета являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по замещаемой должности федеральной государственной службы с учетом особенностей, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ. На сотрудников Следственного комитета (кроме военнослужащих) распространяется трудовое законодательство с особенностями, предусмотренными указанным Законом.

Основные организационные моменты прохождения государственной службы в органах Следственного комитета РФ, по сути, являются идентичными службе в органах прокуратуры. Вместе с тем Следственный комитет РФ выполняет правоохранительные функции в области расследования уголовных преступлений, которые в настоящее время осуществляются и иными федеральными органами исполнительной власти (МВД, ФСБ России). В связи с этим вполне можно согласиться с мнением Р. В. Нагорных, который, комплексно исследуя государственную службу в правоохранительной сфере, считает целесообразным отнесение органов Следственного комитета РФ к системе органов исполнительной власти [5]. В этом случае, по его мнению, и служба в органах Следственного комитета РФ должна быть отнесена к разновидности государственной службы в правоохранительной сфере органов исполнительной власти. Такое понимание проблемы позволяет решить важнейшую государственную задачу — создать единую систему государственной службы в правоохранительной сфере органов исполнительной власти как особую подсистему государственной службы в правоохранительной сфере. Пока же считаем целесообразным определять службу в данном органе (кроме военной службы) как разновидность государственной службы иных видов;

8) служба *российского казачества*. В соответствии с Федеральным законом от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» российское казачество проходит государственную гражданскую службу, военную службу в Вооруженных Силах РФ, других

войсках, воинских (специальных) формированиях и органах в соответствии с федеральным законодательством и федеральную государственную службу, связанную с правоохранительной деятельностью, в соответствии с федеральным законодательством. Относительно последнего вида отметим, что данная редакция была утверждена уже упомянутым Федеральным законом от 13 июня 2015 г. № 262-ФЗ. Слова «российское казачество проходит правоохранительную службу в соответствии с федеральным законодательством» заменены на слова «российское казачество проходит федеральную государственную службу, связанную с правоохранительной деятельностью, в соответствии с федеральным законодательством». Таким образом, из смысла законодательства вытекает, что государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью, может, помимо лиц, замещающих должности государственной службы в органах государственной власти, осуществляться лицами, являющимися членами объединений и (или) самоорганизации граждан [3], как определяет казачьи общества Гражданский кодекс Российской Федерации и Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Исследователи считают, что понятие «правоохранительная деятельность» можно рассматривать в широком и узком смыслах. В первом случае — это деятельность, которая направлена в первую очередь на обеспечение прав и свобод человека, интересов государства и общества в целом в объеме, сформированном и закрепленном международно-правовыми нормами [1, стр. 31—32]. В узком смысле под правоохранительной деятельностью можно понимать деятельность государства в целом или его специальных уполномоченных государственных органов по обеспечению и защите конкретных прав и свобод граждан, которые имеют место и соответствующее закрепление в действующем законодательстве определенного государства [6, стр. 20—21].

Если мыслить глубже, законодательная концепция, определяющая возможность осуществления правоохранительной деятельности не только органами, но и общественными объединениями, вносит определенные корректизы в определение понятия правоохранительная функция, так как с точки зрения теории права, дефиниции «правоохранительная функция государства» и «правоохранительная деятельность» взаимодействуют между собой соответственно как направление деятельности государства и форма его реализации. Традиционно в этой формуле называется еще одна составляющая — правоохранительный орган, как элемент государственного аппарата, реализующий данное направление.

Однако функции государства, представляющие собой главные направления его деятельности, складываются из многоаспектной работы всего государственного механизма в целом, а анализ приведенных норм права позволяет говорить о том, что российское казачество на законодательном уровне фактически называется элементом этого механизма.

Таким образом, перечень подвидов государственной службы иных видов можно считать открытым, по крайней мере, до момента указания в упомянутых выше федеральных законах принадлежности к ним государственной службы в соответствующих органах или, как в случае со службой в таможенных органах, определения их к особым видам. Допускаем, что исследованный нами перечень подвидов государственной службы иных видов не является исчерпывающим, однако проведенный анализ федерального законодательства позволяет выявить наиболее общие их признаки, характеризующие особенности прохождения и правового положения (статуса) должностных лиц, замещающих соответствующие должности:

- служба иных видов является федеральной государственной службой;
- профессиональная служебная деятельность государственных служащих, замещающих должности государственной службы иных видов, связана с реализацией правоохранительной функции государства и заключается в защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечении безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью;
- должности государственной службы иных видов учреждаются в федеральных органах исполнительной власти и в других государственных органах, реализующих функции по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также правоохранительные функции в области расследования уголовных преступлений, их структурных подразделениях и территориальных органах (за исключением связанной с правоохранительной деятельностью государственной службы российского казачества, которая может осуществляться членами казачьих обществ, внесенных в государственный реестр);
 - государственные служащие, замещающие должности государственной службы иных видов, могут именоваться сотрудниками;
 - служебные отношения государственных служащих, замещающих должности государственной службы иных видов, оформляются контрактом;
 - по замещаемым должностям государственным служащим, замещающим должности государственной службы иных видов, присваиваются специальные звания или классные чины;
 - на государственных служащих, замещающих должности государственной службы иных видов, в полном объеме распространяется весь комплекс ограничений, запретов и обязательств, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Литература

1. Братко, А. Г. Правоохранительная система (вопросы теории) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Москва, 1992.
2. Козбаненко, В. А. Иные виды государственной службы — правоохранительная служба: закон и доктрина // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 9 (94). — С. 92—101.
3. Мамина, О. И. О правовом статусе государственной службы российского казачества в части осуществления правоохранительной деятельности // Colloquium-journal. — 2019. — № 31. — С. 38—43.
4. Мамина, О. И. Правовые аспекты реформирования системы государственной службы в свете исключения из перечня ее видов понятия «правоохранительная служба» // Вестник Юридического института МИИТ. — 2016. — № 3. — С. 61—66.
5. Нагорных, Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : дис. ... д-ра юрид. наук. — Москва, 2016.
6. Федоров, В. П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. — Санкт-Петербург, 1996.

Literature

1. Bratko, A. G. Pravookhranitel'naya sistema (voprosy teorii) [Law enforcement system (theory issues)]: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Moskva, 1992.
2. Kozbanenko, V. A. Inyye vidy gosudarstvennoy sluzhby — pravookhranitel'naya sluzhba: zakon i doktrina [Other types of public service - law enforcement service: law and doctrine]// Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. — 2018. — № 9 (94). — S. 92—101.
3. Mamina, O. I. O pravovom statuse gosudarstvennoy sluzhby rossiyskogo kazachestva v chasti osushchestvleniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti [On the legal status of the public service of the Russian Cossacks in terms of law enforcement]// Solloquium-journal. — 2019. — № 31. — S. 38—43.
1. Mamina, O. I. Pravovyye aspeky reformirovaniya sistemy gosudarstvennoy sluzhby v svete isklyucheniya iz perechnya yeye vidov ponyatiya «pravookhranitel'naya sluzhba» [Legal aspects of reforming the public service system in light of the exclusion of the concept of “law enforcement service” from the list of its types]// Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT. — 2016. — № 3. — S. 61—66.
4. Nagornykh, R. V. Administrativno-pravovoye regulirovaniye gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii v pravookhranitel'noy sfere [Administrative regulation of the public service of the Russian Federation in law enforcement]: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Moskva, 2016.
5. Fedorov, V. P. Chelovek i pravookhranitel'naya deyatel'nost' (filosofsko-pravovoy aspekt) [Man and law enforcement (philosophical and legal aspect)]: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Sankt-Peterburg, 1996.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

УДК 340.14

© Тарасенко Юрий Александрович

— кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Гражданское право, международное частное право, гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Договор купли-продажи в нормах Псковской судной грамоты: правовая квалификация

Аннотация. Купля-продажа — один из древнейших договоров на Руси. Ранее возникла только мена. Естественно, что современная купля-продажа отличается от ее древней конструкции. Тем не менее основные принципы этого института закладывались в период первых русских законов (какими являются Русская Правда, Новгородская и Псковская судные грамоты), а также ряда актов частного права, донесших до нашего времени идеи обычного права. В исследовательской литературе договор купли времен Псковской судной грамоты пристально изучался. Были выделены основные признаки, существенные условия, квалификация данного договора. В ряде работ договор купли-продажи квалифицируют в качестве консенсуального, выделяя при этом такие его разновидности, как продажа вещи в будущем и запродажа (соглашение о заключении договора в будущем). Задача статьи — показать, что конструкция возмездного отчуждения имущества в средневековом праве Северо-Западной Руси, основанная на нормах обычного права, не могла быть консенсуальной. Такой квалификации обычное право Руси не знал. Соответственно, не могли быть и договоры, построенные на консенсуальной модели. Все договоры (в том числе и купля-продажа), строились по определенной формуле, согласно которой договор мог быть только реальным и односторонним.

Ключевые слова: купля-продажа; договор; обычное право; Русская Правда; Псковская судная грамота; правовая природа договора.

© Yuriy Al. Tarasenko

— Candidate of Law, senior lecturer of the department of civil law, international private law, civil procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport

Purchase and sale contract in the norms of the Pskov Judicial Charter: legal qualification

Abstract. Purchase and sale is one of the oldest type of contracts in Russia. There were only barters before. Naturally, the present purchase and sale is different from its ancient design. Nevertheless, the basic principles of this institution were laid down during the period of the first Russian laws (which are Russian Pravda, Novgorod and Pskov court letters), as well as a number of private law acts that have brought the ideas of customary law to our time. In the research literature, the purchase contract of the time of the Pskov Judicial Charter was closely studied. There have been highlighted main features, essential conditions, qualification of this agreement. In a number of papers, the purchase-and-sale contracts are qualified as consensual, highlighting such types as selling things in the future and selling (agreement on concluding a contract in the future). The purpose of the paper is to show that the construction of the onerous alienation of property in medieval law of North-West Russia, based on customary law, could not be consensual. The customary law of Russia did not know such a qualification. Accordingly, there could not have been agreements built on a consensual model. All contracts (including purchase-and-sale contracts) were built according to a certain formula, according to which the contract could only be genuine and unilateral.

Keywords: purchase and sale; contract; customary law; Russian Truth; Pskov Judicial Charter; legal nature of a contract.

Купля — один из самых распространенных и известных договоров на Руси. Не смотря на это, в Псковской судной грамоте 1467 г. (как, впрочем, и в Русской Правде) отсутствует его определение и сколь подробное регламентирование, что вполне объяснимо, с одной стороны, очевидностью данной конструкции для всякого и каждого, а с другой — еще слабым развитием частного права¹.

Что мы знаем о существе и содержании этого института, исходя из дошедших до нас правовых источников?

С точки зрения обычного права XII—XV вв., купля-продажа представляла процесс обмена какой-либо вещи на определенное количество денежных средств, в качестве которых выступали не только собственно монеты, но и другие их заменители (главным образом — различные шкуры пушных зверей). Об этом можно судить главным образом по содержанию

¹ «Ни Судная Новгородская, ни Уставная Двинская, ни Уставная Белозерская Грамоты не говорят ни слова о продаже и купле. Действительно, право обязательств не могло получить надлежащего развития в то время, когда законодательство не установилось в определенные границы» [1, стр. 37].

псковских и новгородских грамот, являющихся важным содержательным источником знаний о товарообменных процессах той эпохи.

В нормах самой Псковской судной грамоты купле-продаже напрямую посвящены лишь статьи об истребовании собственником своей вещи (46; 47, 54; 56), но только в аспекте того, что отобрание своей вещи обусловлено неправомерной ее продажей.

Несмотря на скучное отражение этого института в судной грамоте, в торговой деятельности использовались разнообразные способы заключения и исполнения этого договора. Можно утверждать, что в торговых операциях купля принимала довольно сложные формы. Новгородцы знали возможность заключения сделки с последующим ее исполнением через деятельность профессиональных посредников — приказчиков¹. Довольно обычной была конструкция купли посредством внесения предоплаты с последующей передачей вещи².

Что собой представлял договор купли-продажи (или как его именовали в то время — договор купли), какие он имел необходимые атрибуты и существенные условия, какова, наконец, его правовая природа?

К числу необходимых атрибутов данного договора относят: 1) описание лиц, заключающих эту сделку; 2) наличие у них свободной воли; 3) принадлежность продавцу отчуждаемого имущества на праве собственности; 4) согласование существенных условий.

Свобода воли у лиц, заключающих договор, выражалась в том, что договор не мог возникнуть без желания на то продавца или покупателя³.

Принадлежность отчуждаемого имущества на праве собственности была необходимым условием действительности совершаемой сделки по купле-продаже (так же, как и в Русской Правде). Если отчуждалась вещь неуполномоченным лицом (не собственником), то покупатель не становился собственником. При опознании такой вещи действительным собственником последняя у покупателя отбиралась.

¹ Об этом свидетельствуют содержания Новгородских грамот. Например, грамота № 420: «От Панка к Захарье и к Огафону. Я продал Миляте сорок бобров за десять гривен серебра. Когда получишь деньги, тогда отдай бобров. А деньги отдай Захарье». По-видимому, Захарья приказчик Панка, Огафон приказчик Миляты. Коммуникативная структура документа такова. Первой фразой автор извещает Захарью и Огафона о состоявшейся сделке. Вторая фраза обращена уже только к Захарье: ему предписывается получить деньги и после этого отдать бобров. Последняя фраза обращена к Огафону: ему предписывается отдать деньги Захарье [2, стр. 478].

² В грамоте № 282 указано следующее: «[А соли] не покупай: я купил немецкую соль. Доставил бы ты ее сюда» [2, стр. 618]. Из текста очевидно, что автор заплатил за соль, но фактически товар еще остается у продавца, и покупатель дает указание своему доверенному лицу получить уже оплаченный товар.

³ Профессор Рейц так прокомментировал статью из судной грамоты, отменявшую совершенную сделку вследствие неправильно (несвободно) сформированной воли: «Никакой договор не имеет силы без свободной воли и полного сознания, или когда он заключен о чужой собственности; обман и подлог разрушают его» [3, стр. 221—222].

Объектами купли выступали самые разнообразные вещи (определяемые как родовыми, так и индивидуально-определенными признаками) в отношении которых стороны достигали соглашения¹.

Существенными условиями купли-продажи выступали: а) объект; б) цена. В литературе помимо указанных условий называлось также и «обязательство со стороны продавца в том, что он будет очищать проданную вещь от чужой купчей или кабалы и не введет покупщика в убыток» [1, стр. 23]. Полагаем, что последнее условие еще не выступает в качестве безусловного и необходимого в сделках рассматриваемого периода. Из текста Псковской судной грамоты такое обязательство не следует, а в текстах грамот присутствует далеко не во всех случаях (см., например, грамоты № 160, 172, 174, 175, 177).

Судя по всему, договор составлялся в одном экземпляре и находился у покупателя. Вместе с договором покупателю передавались документы (купчие), свидетельствующие о правах на приобретаемый объект продавца (см. грамоту № 157)².

Какую природу имел договор купли в рассматриваемый период? В исследовательской литературе купля-продажа в Псковской судной грамоте либо никак не квалифицируется, либо определяется как договор консенсуальный, т.е. возникающий с момента достижения сторонами соглашения [4, стр. 311—314; 5, стр. 198—199, 227].

На основе текста грамот попытаемся понять, насколько такая оценка точна.

Обратим внимание на следующую интересную деталь. Купля-продажа строилась по определенной формуле: «се (такой-то) купил... у (такого-то) + описание объекта + а дал (описание встречного предоставления)... + себе и своим детям одерень (указание на переход в собственность)... а на то послухи (перечисление свидетелей факта сделки)». Подавляющее большинство сделок содержит именно такую формулировку.

Иными словами, договор строился по модели не отчуждения вещи, а ее приобретения.

Полагаем, что все сделки вне зависимости от их формы (письменная или устная) совершались по указанной выше формуле. Различие состояло лишь в том, что сделка с недвижимостью фиксировалась на пергаменте (бумаге) и подлежала регистрации в системе учета посредством снятия копии с документа и помещения на хранение в архив Троицкого собора во Пскове. Все остальные элементы сделки (согласование объекта, цены,

¹ Среди встречающегося в берестяных грамотах перечня разнообразия товаров можно выделить такие, которые явно имели торговую направленность — ячмень, соль, хмель, хлеб, кожи, ткани. Как правило, указанные товары приобретались довольно большими объемами (о чем можно судить по уплачиваемой цене), т.е. для торговых дел, а не для собственного употребления (см. грамоты № 133, 362) [2, стр. 592, 599].

² Правда, такое упоминание о предшествующих правоустанавливающих документах присутствует не всегда.

наличие свидетелей) наличествовали как при письменной, так и при устной форме ее совершения.

Для чего необходимо было придерживаться данной формулы? Формула играла роль некого обряда, соблюдение которого позволяло сторонам и свидетелям отгородить факт бытовой действительности от факта, изменяющего правовое состояние¹.

Следует обратить внимание на следующую особенность договоров купли-продажи рассматриваемого периода — содержание купчей представляет собой описание только действий покупателя. Между тем любая купля-продажа — договор двусторонний: праву одной стороны корреспондирует обязанность другой и наоборот.

Анализ формулы договора, а также купчих грамот дает основание для следующего предположения: обычное право Северо-Западной Руси еще не рассматривает куплю-продажу в качестве синаллагматического договора. Текст купчих грамот свидетельствует, что здесь нет взаимных обязательств в привычном нам смысле. В купчих описывается уже совершившийся факт («Се купи Иаков Дмитреевич у Костковых детей ... в Сюзме рек треть земли... А дал на неи пять сороков бел. А купил Яков одерень себе и своим детям») (см. грамоту № 145).

Взаимообязывающий договор, каким является классическая купля-продажа, имеет другую формулу построения: продавец продает вещь, а покупатель платит за это деньги. Средневековая купля на Руси построена иначе: покупатель покупает и платит. Речь о действиях продавца напрямую не упоминается.

Несмотря на то что основное внимание было акцентировано на фигуре покупателя, а продавец, как активная фигура, осуществляющая какие-либо действия напрямую, не упоминался, купля являлась именно договором. Покупатель без согласованной воли с продавцом не смог бы ничего приобрести (как, впрочем, и наоборот).

Можно предположить, что правовое сознание этой эпохи рассматривало процесс возмездного отчуждения имущества не как соглашение, порождающее взаимные права и обязанности, а, скорее, как односторонний договор.

Какие черты, особенности были присущи такому договору купли? Однако прежде, чем отвечать на данный вопрос, необходимо понять, с какого момента возникал описываемый нами договор?

Договоры, по которым происходило отчуждение движимого имущества, совершались в устной форме. Вообще, устная форма сделки для пери-

¹ Известный исследователь русских доактовых обычаев С. В. Пахман приводит такой символический обряд, опосредующий процесс совершения договора: «Признаком окончательно состоявшегося обоюдного согласия на сделку признается обыкновенно тот момент, когда контрагенты взаимно берутся за руки или ударяют по рукам, которые разнимет посторонний человек» [6, стр. 124].

ода раннего обычного права является правилом, а любая письменная сделка — исключением. Все дело в том, что подавляющее большинство населения не знало грамоты, а поэтому, не могло бы участвовать в имущественных отношениях, основанных на письменной форме сделок. Именно поэтому для подтверждения факта совершения сделки привлекались послухи (свидетели).

Преобладающий характер устных сделок (особенно в торговле) делал невозможным консенсуальную модель. Свидетели, которые привлекались для легитимизации факта сделки, могли лишь подтвердить сам факт сделки, но не особенности условий последней.

Как известно, возникновение договора требует согласования воли его участников относительно условий того, о чем они договариваются. Однако само по себе одно соглашение *без совершения действий* по реализации достигнутых договоренностей, в силу каузальности средневекового права не способно было породить какие-либо правовые последствия. Поэтому договор возникал в момент согласования существенных условий и передачи вещи (или денег). Эти два действия (согласование и передача) шли одно за другим в неразрывной связи. Например, заем совершался в момент достижения сторонами соглашения относительно суммы займа и передачи вещи, составляющей заем. Купля-продажа, соответственно — с момента согласования воли сторон и передачи товара или денег.

Что может свидетельствовать о таком выводе? С одной стороны, мог ли продавец *обязать* покупателя заплатить деньги вперед? С другой стороны, мог ли покупатель *обязать* продавца передать вещь? Попытаемся ответить на поставленные вопросы.

Дело в том, что модель купли была едина для всех ситуаций. Именно по вышеуказанной формуле продавали и покупали имущество. Ни в тексте Псковской судной грамоты (ни тем более в более раннем законе — Русской Правде), ни в самих грамотах нет иной конструкции возмездного отчуждения. Соответственно, невозможно было купить как-то иначе, чем предписывало обычное право.

Все письменные источники, описывают процесс заключения договоров купли с позиции уже состоявшегося факта. Соответственно, при таком положении у продавца нет обязанности передать вещь, равно как и у покупателя — обязанности ее оплатить. Нет ни одного примера, который бы свидетельствовал о принятом кем-то обязательстве (пообещал купить; пообещал продать и т.п.) до момента совершения действий, составляющих содержание такого обещания.

Иными словами, момент, когда стороны достигают соглашения и затем следует передача товара либо денег, является моментом заключения договора. Все последующие действия, которые могут совершить стороны, представляют собой уже исполнение возникшего договора.

В отличие от современной купли-продажи, договор по обычному праву средневековой Руси носил исключительно *односторонний* характер. Это, в свою очередь, объясняется реальным характером договора купли. Договор возникает с момента передачи одной из сторон товара либо денег. Следовательно, в момент возникновения договора одна из сторон уже исполнила свою обязанность и имеет только право требовать исполнения долга со своего контрагента, у которого остается обязанность по своему представлению.

Идеальный с точки зрения процесса купли-продажи вариант — когда за передачей товара следует передача денег. Но так происходило далеко не всегда. Исторические документы свидетельствуют о различных ситуациях, когда товар или деньги переданы (т.е. договор возник), а встречного исполнения нет. Описываемые ситуации порождают возникновение долговых обязательств¹. В литературе такие сделки квалифицируют в качестве разновидности купли — договор купли в кредит [5, стр. 201].

К чему приводило частичное исполнение договора? Какие последствия наступали при неисполнении одной из сторон своего обязательства?

Неоплата, а равно как и частичная оплата, безусловно, влекла возникновение долга и в случае отказа от погашения последнего возникал вопрос — какими средствами кредитор мог восстановить свое нарушенное право? Поскольку договор порождает обязательственные отношения, то принуждение должника происходило в рамках существующей договорной обязанности. Денежный долг принудительно взыскивали с должника (либо с его поручителя при наличии такого).

Сложнее было с неисполнением обязательства по передаче вещи. Дело в том, что пока вещь не передана, право собственности на покупателя не переходило. В отличие от взыскания денежного долга, обычное право не располагало механизмом принудительного отобрания вещи у должника по неисполненному договору. В результате, если продавец передумывал и не передавал вещь, то максимально к чему его могли обязать, это вернуть деньги.

Таким образом, купля-продажа по нормам Псковской судной грамоты представляла собой реальный, односторонний договор, совершившийся строго по определенной формуле с соблюдением необходимых атрибутов, отсутствие или несоблюдение которых влекло признание такого договора недействительным.

Литература

1. Устрялов, Ф. Исследование Псковской Судной Грамоты 1467 г. — Санкт-Петербург. 1855.
2. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект. — Москва, 1995.

¹ «Зде тировал Нездельце вашь во Пльскове с детьми, търговал с Кумордою и не доплатил Куморде 20 гривен серебра и полу-третие гривне серебра, а Ивана Голова, человека нашего, въвел в поруку. ... И ныне учините правду, выдайте Нездильца поручнику» (см. грамоту № 332).

3. Рейц, А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / перевод и примечания Ф. Морошкина. — Москва, 1836.
4. Мартышин, О. В. Вольный Новгород: общественно-политический строй и право. — Москва, 1992.
5. Оспенников, Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII—XV вв. : монография. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрлитинформ, 2011.
6. Пахман, С. В. Обычное гражданское право в России. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1877.

Literature

1. Ustryalov, F. Issledovaniye Pskovskoy Sudnoy Gramoty 1467 g. [Study of the Pskov Ship's Charter, 1467]. — Sankt-Peterburg. 1855.
2. Zaliznyak, A. A. Drevnenovgorodskiy dialect [Old Novgorod dialect]. — Moskva, 1995.
3. Reysts, A. Opyt istorii rossiyskikh gosudarstvennykh i grazhdanskikh zakonov [Experience in the history of Russian state and civil laws]/ perevod i primechaniya F. Moroshkina. — Moskva, 1836.
4. Martyshin, O. V. Vol'nyy Novgorod: obshchestvenno-politicaleskiy stroy i pravo [Volny Novgorod: socio-political system and law]. — Moskva, 1992.
5. Ospennikov, YU. V. Pravovaya traditsiya Severo-Zapadnoy Rusi XII—XV vv. [Legal tradition of North-West Russia of the XII — XV centuries]: monografiya. — 2-ye izd., ispr. i dop. — Moskva : Yurlitinform, 2011.
6. Pakhman, S. V. Obychnoye grazhdanskoye pravo v Rossii [Customary civil law in Russia]. — T. 1. — Sankt-Peterburg, 1877.

Поздравляем!

Указом Президента РФ В. В. Путина от 23 августа 2019 г. № 392 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» директор Юридического института Российского университета транспорта (РУТ/МИИТ), доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Николай Алексеевич Духно

за заслуги в научно-педагогической деятельности, подготовке высококвалифицированных специалистов и многолетнюю добросовестную работу награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Коллектив Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) искренне поздравляет с юбилейной датой профессора, доктора юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации, заведующую кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Наталью Григорьевну Жаворонкову!

Желает новых творческих успехов, крепкого здоровья и дальнейших побед в деле подготовки правоведов!

Congratulations!

By the Decree of the Russian President V.V. Putin on August 23, 2019 No. 392 "About State Awards of the Russian Federation" the head of the Law Institute of the Russian University of Transport (RUT (MIIT)), Doctor of Law, professor, the honored worker of the higher professional education of the Russian Federation

Nikolay Alekseevich Dukhno

was awarded with the Order "Of Merit for the Fatherland", II degree for merits in scientific and pedagogical activity, training of highly qualified specialists and many years of conscientious work.

The staff of the of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT) sincerely congratulates the professor, Doctor of law, honored lawyer of the Russian Federation, head of the department of environmental and nature resource law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Nataliya Grigorievna Zhavoronkova

with anniversary and wishes new creative projects, good health and future successes in training and bringing up lawyers!

**ТРЕБОВАНИЯ
к материалам, представляемым для опубликования
в журнале «Вестник Юридического института МИИТ»**

1. Текст статьи выполняется в формате Microsoft Word и представляется в электронной форме в РИО института автором лично либо по электронной почте albinadg@mail.ru.

Имя файла определяется по фамилии первого автора.

2. Статья должна содержать:

- название статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова (5—7 слов) на русском и английском языках;
- аннотацию не менее 200 слов (на русском и английском языках);

Сведения об авторе (авторах):

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- место работы, учебы (полное наименование организации в имительном падеже);
- должность, ученая степень, ученое звание, иные почетные звания (при наличии);
- адрес электронной почты.

3. Объем материала — от 3 до 10 страниц формата А4.

4. Список литературы. Оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5-2008.

5. При несоблюдении указанных правил редакционный совет вправе отклонить статью.

**REQUIREMENTS
for the materials submitted for publication in the journal
«Bulletin of the Law Institute MIIT»**

1. All manuscripts should be submitted to the editor in an electronic form in Microsoft Word format personally or via e-mail albinadg@mail.ru. The title of the document is identified through the first author's name.
2. The paper should contain:
 - **a title** of the article both in Russian and in English;
 - **keywords** (5-7 words/word combinations) both in Russian and in English;
 - **an abstract** of 200 and more words both in Russian and in English;
 - **the following information** about the author/authors:
 - surname, name, middle name (IN FULL WORDS);
 - place of work/study (IN FULL WORDS);
 - position, scientific degree, scientific status if any (IN FULL WORDS);
 - contacts (an e-mail).
3. The paper should be of 3—10 pages of A4 format.
4. Bibliography (both in Russian and in English) should be arranged according to GOST Р7.0.5 – 2008.
5. The paper should be supplied with a review of Doctor or Candidate of the respective Sciences.
6. The editors have a right to reject the paper if the requirements aren't met.